

Проверено

Российская академия наук

ИЗВЕСТИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Том 152 № 4 2020 Июль—Август

Основан в 1865 г.
Выходит 6 раз в год

Журнал издается под руководством Отделения наук о Земле РАН

Главный редактор
В. М. Разумовский

Редакционная коллегия

К. В. Чистяков (зам. гл. ред.), Г. А. Исаченко (отв. секр.),
И. Л. Башмачников, Д. Ю. Большиянов, С. А. Гаврилкина,
Д. А. Ганюшкин, Б. С. Жихаревич, Г. Иоффе, Т. Г. Нефёдова,
А. Ю. Опекунов, Е. А. Паниди, Д. Хаазе, С. С. Холод

Редакционный совет

П. Я. Бакланов, В. Венде, С. А. Добролюбов, С. С. Зилитинкевич,
Н. С. Касимов, В. А. Колосов, В. М. Котляков, И. А. Максимцев,
В. А. Румянцев, О. Н. Соломина, В. А. Тишков, А. К. Тулохонов,
Г. М. Федоров, Н. Н. Филатов, А. А. Чибилёв

Адрес редакции:

190000, Санкт-Петербург, пер. Гривцова, 10,
тел.: +7 (800) 700-18-45, e-mail: izvestia-rgo.martinova@yandex.ru

Москва

ООО «ИКЦ «АКАДЕМКНИГА»

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИКЦ «АКАДЕМКНИГА»

© Российская академия наук, 2020
© Редколлегия журнала “Известия Русского
географического общества” (составитель), 2020

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ 0110279 от 08 февраля 1993 г., выдано Министерством печати и информации
Российской Федерации

Подписано к печати 08.06.2020 г.	Формат $70 \times 100^{1/16}$	Усл. печ. л. 8.13	Уч.-изд. л. 9.09
Тираж 21 экз.	Зак. 3192	Бесплатно	

Учредители: Российская академия наук,
Русское географическое общество, Институт озероведения РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по госконтракту 4У-ЭА-041-19 ООО «ИКЦ «АКАДЕМКНИГА»,
117342 Москва, ул. Бутлерова, д. 17Б, а/я 47

16+

Отпечатано в типографии «Book Jet» (ИП Коняхин А.В.),
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, 18, тел. (4912) 466-151

СОДЕРЖАНИЕ

Том 152, номер 4, 2020

Географические модели десоветизации топонимии в городах Российской Федерации <i>К. Э. Аксенов</i>	3
Опыт историко-географического районирования Карелии (XIX—начало XX вв.) <i>С. Б. Потахин</i>	19
Концептуальные основы создания этнокультурно-ландшафтного атласа Псковской области <i>А. Г. Манаков, Н. К. Теренина, И. Н. Красильникова</i>	31
IV международная палеолимнологическая конференция в Иркутске (2—4 сентября 2020 г.) <i>Д. А. Субетто, А. П. Федотов, Т. В. Сапелко</i>	46
Юбилей И.Ю. Неуструевой	48

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ ТОПОНИМИИ В ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2020 г. К. Э. Аксенов*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**E-mail: axenov@peterlink.ru*

Поступила в редакцию 20.08.2020 г.

После доработки 22.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Десоветизация городской топонимии в работе понимается как процесс отказа от единой “матрицы урбонимов”, формировавших общую советскую идентичность, и как индикатор перехода российского общества от унификации идентичности к ее разнообразию. В работе доказывается, что практики десоветизации городской топонимии в России существенно различаются, и такие различия связаны с региональными комбинациями политических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты. Полюса географических электоральных расколов, типы электоральных культур (по Р.Ф. Туровскому) описывают географические различия в процессах десоветизации топонимии. Показано, какое влияние на особенности и ход десоветизации оказывали организационные и политические особенности региональных и городских администраций в периоды переименований. Помимо общего тренда перехода от единой советской матрицы урбонимов к региональной диверсификации топонимических подходов отмечены тенденция к “деидеологизации” и “регионализации” топонимии через закрепление региональной исторической памяти, для национальных республик — минимальная “деидеологизация”, замененная “деколонизацией”, сопровождавшейся “национализацией” и той же “регионализацией” топонимии.

Ключевые слова: городская топонимия, десоветизация, идентичность, постсоветская трансформация, географические модели, электоральные расколы, городское управление

DOI: 10.31857/S0869607120030015

ВВЕДЕНИЕ

Топонимия¹ городов изучается в качестве самостоятельного предмета или индикатора различных нетопонимических процессов и явлений многими научными дисциплинами: лингвистикой [12, 29], историей [43], социологией и социальной психологией [32], политологией [33, 47], культурологией [6], управленческими дисциплинами [24] и др. В географии городская топонимия активно изучается соответствующими перечисленным отраслевыми географическими направлениями [44, 46, 48, 49], картографией, а также “объектными” дисциплинами: регионалистикой, страноведением и

¹ В отличие от географии, где (в российской практике) одним термином может обозначаться как предмет, так и название дисциплины, его изучающей (например, “география городов России” может подразумевать как саму пространственную организацию городов, так и изучающую ее дисциплину), то под топонимией традиционно понимается совокупность географических названий в какой-нибудь стране, местности [36] (“топонимия городов России”), а под топонимикой — научная дисциплина, изучающая географические названия (“топонимика городов России”).

урбанистикой [3, 34, 37]. Собственно топонимика может рассматриваться как совокупность отраслевых и междисциплинарных исследований своей предметной области всеми перечисленными научными дисциплинами и направлениями.

Распад СССР и постсоциалистическая трансформация вызвали значительные топонимические изменения на всем постсоветском пространстве [3, 34]². Направленность таких изменений на постсоветском пространстве, согласно ряду исследований, была связана с процессами дерусификации, смены геополитической ориентации государств, десоветизации и декоммунизации с различной территориальной приуроченностью, гетерохронностью, разной степенью агрессивности осуществления этой политики [3, 34]. В значительной мере эти изменения были связаны с конструированием новой национальной, политической и региональной идентичности [10, 24, 35, 39]. Такое конструирование происходило либо “сверху”, т.е. инициировалось и контролировалось властями разного уровня через “идеологизацию” пространства [3, 37], либо с участием общества и экономических субъектов — в этом случае, как правило, вне политических и идеологических целей [32]. Столицы государств — на национальном уровне [3], а “столицы” регионов — на региональном, выступили центрами топонимических инноваций [39].

В настоящем исследовании перемены в городской топонимии постсоветской России будут нас интересовать исходя из следующих аспектов:

- социологического: как элемента комплексной общественной трансформации;
- социокультурного: как практики конструирования идентичности;
- политологического и управленческого: как практики управления идентичностью в политических целях;
- общественно-географического: как центр-периферийное диффузионное явление, при котором процессы, происходящие в центральных городах, могут инициировать их распространение и на региональную периферию; как отражение пространственно-временных различий в факторах и региональных практиках конструирования идентичности.

Л. Сикора и С. Бузаровский считают, что три разных типа постсоциалистической трансформации в городе следует рассматривать по отдельности, поскольку они имеют разную природу и не синхронны во времени [50]. Это институциональная трансформация, трансформация социальных практик и трансформация морфологии городского пространства. Они утверждают, что, в то время как первая трансформация (к которой относятся экономические и политические институты) в целом завершилась, две прочие все еще идут в постсоветских городах (подробное обсуждение см. [45]). Разделяя такой подход, мы сосредоточимся на анализе одного из аспектов взаимодействия продолжающихся трансформироваться общественных практик (переименования городских топонимов), отчасти отражаемых и в городской морфологии (как минимум — в появлении новых табличек, указателей и иногда — памятных знаков, связанных с урбонимами³).

В данном исследовании в центре нашего внимания будет политический топонимический дискурс⁴. Мы рассматриваем управление идентичностью с использованием городской топонимии в качестве инструмента, применяемого властью для формирования лояльности. Использование такого инструмента — ключевой элемент политической практики. Поэтому здесь нас будет интересовать, прежде всего, “контекст властных вмешательств в наименование городских объектов” [10], а городскую топонимическую практику мы будем рассматривать в аспекте “отражения властных уста-

² Некоторые исследователи даже склонны именовать этот процесс “топонимическим переделом” [39], другие предлагают разделять процессы топонимической реставрации и топонимической коррекции [24].

³ В литературе для обозначения всех видов внутригородских топонимов используется как термин урбоним, так и урбаноним [23].

⁴ Помимо него чаще всего рассматривают историко-культурный и прагматический дискурсы [9, 10, 32].

новок, политического дискурса власти, в чем ведении находится политика и практика наименования и переименования городских объектов” [10].

В литературе отмечалось, что наиболее общим трендом в ходе общественной трансформации на постсоветском пространстве стал переход от унификации идентичности к ее разнообразию, а в “топонимическом переделе” — от насаждавшейся в советское время единой матрицы урбонимов к диверсификации топонимической политики по многим параметрам [3, 34, 39]⁵. В практике постсоветских городских топонимических переименований в России и СНГ, помимо десоветизации, исследователи выделяют многочисленные тренды: историко-культурный этноцентризм, политизация, гипертрофированность эпох, геополитическая переориентация [3], деатеизация, деколонизация, новые места памяти, десекуляризация, “пакетный” урбанизм, “политика наказания” [39]; сакральные, политико-идеологические, этноисторические, этнокультурные геоконцепты [16], равно как и более дробные основания для переименований (например, [24, 29]).

Из всего многообразия процессов, связанных с топонимической политикой в городском пространстве в России, мы выбрали один маркер, который способен, на наш взгляд, отразить как тренд перехода от универсализма к диверсификации практик управления идентичностью с помощью топонимии, так и потенциально — содержание различных моделей конструирования идентичностей властью. Таким маркером выступила десоветизация городской топонимии, которую для целей данной работы мы будем понимать как процесс отказа от урбонимов, формировавших единую советскую идентичность. В качестве объекта исследования выбраны центральные города российских регионов. Главные вопросы, которые автор перед собой ставит, это:

- как различаются практики десоветизации городской топонимии в России?
- какие факторы оказывают основное воздействие на такие различия?
- существуют ли географические закономерности распространения этих различий?
- можно ли описать такие закономерности как географические модели?

В качестве основной гипотезы мы выдвигаем предположение, что поскольку практика десоветизации/консервации городской топонимии тесно связана с использованием последней в конструировании региональной идентичности в целях повышения/закрепления лояльности населения региональной/городской власти, то региональные различия в такой практике зависят от региональных комбинаций политических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты.

То есть, в частности, если преобладающие политические ориентации населения и правящей элиты совпадают, то реализация соответствующих им топонимических практик будет способствовать/не мешать повышению лояльности населения данной элите. В случае же, когда такого совпадения нет, стоит ожидать снижение лояльности вплоть до проявлений различных форм гражданского и политического активизма.

С помощью предлагаемого прикладного исследования мы попробуем ответить на поставленные вопросы и проверить выдвинутую гипотезу.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Не имея возможности провести анализ зависимостей практик десоветизации топонимии центральных городов всех российских регионов, необходимо было произвести выборку городов, которые были бы репрезентативны для заявленных исследовательских целей. В соответствии с нашей рабочей гипотезой, выбранные города должны репрезентировать региональные различия политических ориентаций населения. С этой целью мы использовали концепцию электоральной карты России Р.Ф. Туровского. Согласно ей, отражаемые в электоральном поведении региональные различия в поли-

⁵ Некоторые исследователи отмечают наметившуюся в России в последние годы тенденцию к восстановлению федеральной матрицы в структуре урбонимов [39].

тических ориентациях населения в значительной мере описываются “горизонтальными расколами”, главными из которых выступают раскол между русским ядром и этническими перифериями, раскол “Север–Юг”, усиливающийся раскол “Запад–Восток” [38]. Выбираемые нами для анализа города, таким образом, должны репрезентировать эти расколы. Поэтому мы выбрали 4 города, представляющие, по нашему мнению, основные полюса упомянутых расколов, а также, по мнению Р.Ф. Туровского, 4 “идеальных типа электоральных культур” (из шести таких типов, связываемых им с горизонтальными расколами) [38]:

- Великий Новгород — северная (северо-западная) электоральная культура, северный и западный полюса расколов;
- Владивосток — восточная (сибирская и дальневосточная) электоральная культура, восточный полюс расколов;
- Рязань — южная электоральная культура и полюс расколов;
- Махачкала — предкавказская электоральная культура и полюс этнической периферии.

Для каждого города использовалось описание соответствующего ему типа электоральных настроений в постсоветский период до 2006 г. из упомянутой работы Р.Ф. Туровского. Для анализа актуальной картины электоральных настроений мы произвели анализ голосований по сравнимым индикаторам на последних выборах в Государственную Думу РФ 2011 и 2016 гг. по этим городам по данным ЦИК РФ [42].

Для анализа связи десоветизации городской топонимии и политических ориентаций правящей элиты были произведены сравнения периодов ключевых переименований урбонимов со сроками исполнения полномочий региональных и городских глав исполнительной власти (и их политического профиля).

Проверка основной гипотезы проводилась также на основе анализа данных СМИ об общественном активизме в отношении топонимической политики властей.

Для оценки процессов десоветизации топонимии в выбранных для исследования городах использовались данные о составе урбонимов до 1990 г. (по наиболее близким по времени к этой дате доступным источникам) и в 2020 г. В качестве источников данных для соответствующих лет использовались справочники, картографические материалы (для советского периода), официальные документы, публикации и данные информационных порталов [4, 8, 13, 17, 18, 21, 22, 25, 26, 28, 30, 31]⁶. Данные также верифицировались по [41].

Дополнительно мы провели сравнительный анализ динамики переименований главных (знаковых центральных) улиц соответствующих городов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В табл. 1 представлены показатели процесса десоветизации топонимии в выбранных городах. Очевидно, что города по этим показателям сильно различаются, что как минимум свидетельствует о том, что наша выборка действительно фиксирует различия в исследуемых процессах. Каждый город можно описать модельными характеристиками десоветизации, выраженными в сравнительном лидерстве или отставании в относительных величинах, показанных в табл. 1.

Так, максимально интенсивный характер десоветизации демонстрировал Великий Новгород, минимальный (но с принципиально разными особенностями) — Рязань и Махачкала. Великий Новгород характеризовался максимальной глубиной переименований советских урбонимов: в 2020 г. там оставалось лишь 3% таких названий, 71% существовавших к концу советской эпохи советских урбонимов было переименовано.

⁶ В сборе и первичной обработке данных в рамках работы по учебному курсу “Политическая география города” магистерской программы “Геоурбанистика” Санкт-Петербургского университета принимали участие магистранты А. Архипова, А. Коськин, М. Манёров, А. Гордиенко.

Таблица 1. Сравнительные показатели процесса десоветизации топонимии в модельных городах (в каждом случае % рассчитаны по двум предыдущим столбцам)***Table 1.** Comparative indicators of the process of toponymy desovetization in model cities (in each case, % is calculated from the previous two columns)

минимальное значение среди рассмотренных городов (minimum value among the cities considered)												
максимальное значение среди рассмотренных городов (maximum value among the cities considered)												
Город	Всего названий (1989), ед.	Названия, носящие признаки советской идеологии (1989), ед.	%	Всего названий (2020), ед.	Названия, носящие признаки советской идеологии (2020), ед.	%	Переименованные названия в 1990–2020 гг., ед.	Переименованные названия 1989 г., носящие признаки советской идеологии, ед.	%	Все названия, носящие признаки советской идеологии (1989), ед.	Переименованные названия 1989 г., носящие признаки советской идеологии, ед.	%
Великий Новгород	278	35	13	341	11	3	49	24	49	34	24	71
Рязань	1005	106	11	1145	91	8	21	17	81	106	17	16
Владивосток	680	60	9	799	44	6	24	16	67	59	16	27
Махачкала	677	163	24	897	144	16	108	39	36	163	39	24

* Составлено автором, в сборе и первичной обработке данных принимали участие А. Архипова, А. Коськин, М. Манёров, А. Гордиенко.

Рязань отличалась минимальным значением последнего упомянутого параметра из всех городов — там переименовали всего 16% таких названий, несмотря на то, что, казалось бы, из тех названий, которые изменялись в последние 30 лет, абсолютное большинство было именно советских. Просто общее количество переименований было там минимальным из всех городов. Не менее консервативную тенденцию, хотя и с другими характеристиками, демонстрировала Махачкала. Там и в 1989, и в 2020 гг. насчитывалась максимальная среди прочих городов доля советских названий. В отличие от Рязани там общий процесс переименований шел максимально интенсивно, но именно советские названия он затронул в минимальной по отношению к другим городам степени. Владивосток занимал промежуточное положение, приближаясь скорее к консервативной рязанской модели, чем к радикальной новгородской.

Насколько коррелируют эти различия с описанными Р.Ф. Туровским моделями в электоральных культурах, которые выбранные автором города представляют?

Согласно Р.Ф. Туровскому, каждая из электоральных культур отличается своими особенностями электорального поведения по характеристикам конформистского, левого, национально-патриотического, либерального типов голосований в сопоставлении со среднероссийскими [38].

Представленная **Великим Новгородом** Северная (северо-западная) электоральная культура отличалась конформизмом (мы это явление называем лоялизмом [2]), возникшим на волне либеральных реформ, которые привлекли на Севере большие симпатии. Наряду с поддержкой “партии власти” (особенно в 1990-е гг.) северные территории характеризовались повышенным фоном как либерального, так и национал-популистского голосования. Популярность левых сил здесь стабильно низка, что принципиально отличает Русский Север от Русского Юга [38]. Описанная Р.Ф. Ту-

Таблица 2. Сравнение электоральных результатов по модельным городам и РФ в целом на голосованиях по единому федеральному округу на выборах в Государственную Думу РФ по прошедшим в Государственную Думу партиям 4 декабря 2011 г. и 18 сентября 2016 г.*

Table 2. Comparison of electoral results for model cities and the Russian Federation as a whole in the voting for the unified Federal district in the elections to the State Duma of the Russian Federation for the parties that got representation in the State Duma on December 4, 2011 and September 18, 2016

	минимальное значение среди рассмотренных городов (minimum value among the cities considered)									
	максимальное значение среди рассмотренных городов (maximum value among the cities considered)									
Город	2011					2016				
	% участия в выборах	% за “Справедливая Россия”	% за ЛДПР	% за КПРФ	% за “Единая Россия”	% участия в выборах	% за “Справедливая Россия”	% за ЛДПР	% за КПРФ	% за “Единая Россия”
Великий Новгород	55.5	28.4	10.7	24.5	27.4	37.0	16.5	14.1	17.7	32.1
Рязань	50	17	16.5	28.9	28.7	33.9	8.4	16.9	18.2	41.1
Владивосток	42.7	21.1	20.1	27.8	23.2	29.8	8.2	17.6	20.6	31.1
Махачкала	91.4	0.7	0.0	4.7	95.1	87.7	3.5	0.6	4.3	88.1
РФ	60.2	13.2	11.7	19.2	49.3	47.9	6.22	13.1	13.3	54.2

* Составлено автором, в сборе и первичной обработке данных принимали участие А. Архипова, А. Коськин, А. Гордиенко.

ровским тенденция (за исключением лоялизма) отчасти подтверждается и результатами недавних выборов в Госдуму (табл. 2). Максимально либеральной альтернативой из представленных в таблице выступает партия “Справедливая Россия”, за которую в Великом Новгороде была подана максимальная из всех городов доля голосов. Зафиксированная нами максимальная глубина десоветизации топонимии вполне соответствует самой низкой из трех рассмотренных “неэтнических” региональных центров поддержке левых сил и либеральной ориентации, характерной для данной электоральной культуры.

Рязань и Южную электоральную культуру отличает, главным образом, популярность левых сил, в первую очередь — коммунистов. Южная культура возникла в связи с расколом “Север—Юг”, как антипод северной культуры [38]. Таблица 2 это также подтверждает. Максимальный консерватизм в переименовании советских топонимов Рязани, зафиксированный нами, полностью отражает электоральную культуру “красного пояса”.

Особенностью **Владивостока** и Восточной (сибирской и дальневосточной) электоральной культуры является пониженный уровень лоялизма, а также повышенные национал-популистская ориентация и поддержка левых сил (что отличает Восток от Севера) [38]. Все эти тенденции подтверждаются материалами табл. 2, с добавлением минимального среди всех городов уровня участия в голосовании. Консервативная тенденция десоветизации, описанная выше, также вполне коррелирует с характеристиками этой электоральной культуры.

Материалы табл. 2 демонстрируют, что **Махачкала**, представляющая Предкавказскую электоральную культуру, по сравнению с описанным Р.Ф. Туровским периодом (в котором он отмечал и повышенную долю голосовавших за левые силы), к 2010-м гг. сохранила и значительно усилила лишь лоялистскую тенденцию — до максимального

среди всех городов уровня. Голосование за партию власти и участие в голосовании здесь стало стабильно максимальным, поддержка всех остальных думских партий — минимальной. Думается, что модель консервативной десоветизации топонимии, продемонстрированная Махачкалой, лишь отчасти описывается трендами электоральной культуры. Однако нельзя недооценивать и существенные особенности последней, отражаемые в ее плебисцитарности (единодушной поддержке официальной позиции властей).

Для оценки потенциального влияния вклада региональных и местных политических элит мы провели сопоставление динамики постсоветских переименований с периодами исполнения обязанностей глав органов исполнительной власти (табл. 3). Помимо динамики прохождения основных волн переименований, нам показалось показательным сравнить политику и динамику переименований главных (знаковых центральных) улиц исследуемых городов. Для большей сравнимости были выбраны улицы/проспекты, носившие имя Ленина. По каждому городу была дана оценка уровня общественной поддержки топонимической политики для проверки выдвинутой основной гипотезы.

Переименования в **Великом Новгороде** прошли в пять волн, причем более 80% от всех переименований произошли в 1991 и 1999 гг. Первые четыре волны можно смело соотносить с периодом губернаторства демократически ориентированного М. Прусака и тесно связанными с ним первыми тремя главами города. Одним из первых в 1991 г. центральному проспекту Ленина было возвращено историческое дореволюционное название Большой Московской ул. Тем не менее, оба произведенных после 1999 г. переименования советских топонимов (замена в 2011 г. имен площади и проспекта Карла Маркса) произошли при мэре-единороссе Ю. Бобрышеве. Это, вероятно, свидетельствует о сохранении совпадения антикоммунистических настроений электората и элиты города и после ухода из руководства “номинальных” демократов. Интересно, что значительное место среди замесивших советские топонимы заняли названия, связанные со Второй мировой войной и героями, имевшими отношение к Новгородской земле. Достаточно специфической особенностью Новгородской урбонимии стало появление с 1993 г. двойных названий: новое/возвращенное досоветское + советское. Это происходило с “военными” названиями (пл. Софийская-Победы) [8], а также в случаях, если советские имена были связаны с героями и иными личностями, значимыми для региона, а не “общесоветскими”. Например, ул. Тимура Фрунзе была переименована в ул. Тимура Фрунзе-Оловянка. Т. Фрунзе героически погиб в боях за Новгородскую обл. Таким образом, можно отметить как новгородскую особенность десоветизации — ее “регионализацию” через сохранение исторической памяти о советской региональной героике.

В Великом Новгороде процесс общественного обсуждения топонимической политики идет весьма активно, непрерывно и максимально гласно, что, возможно, влияет на минимизацию проявлений иных форм гражданского активизма в этой области⁷. Обсуждение затрагивает как появление новых урбонимов, так и уже состоявшиеся переименования. Так, из массы переименованных в 1991 г. названий в некоторых случаях были произведены коррективы переименований. Одни носили чисто прагматический характер. Так, три переименованные в 1991 г. улицы позже объединили в одну: вместо Фроловской, Забавской и Предтеченской появилась одна улица Предтеченская. Другие — смысловые, с учетом общественного обсуждения: Лубянице вернули прежнее название — Пушкинская. Однако переименований обратно в советские идеологические названия не произошло. Примечательно, что такие требования неоднократно публично звучали (преимущественно от ветеранских организаций [7]), и большинство из них выливалось в официально организованные общественные обсужде-

⁷ На сайте городской Думы работает специальный ресурс для диалога с топонимической комиссией [11].

Таблица 3. Динамика постсоветских переименований и периоды исполнения обязанностей глав органов исполнительной власти (постсоветская партийная принадлежность указана при наличии информации, принадлежность к КПСС не указывалась)*
Table 3. Dynamics of post-Soviet renaming and periods of performance of duties of heads of Executive authorities (Post-Soviet party affiliation is indicated if information is available, but the CPSU affiliation was not indicated)

		переименования урбонимов имели место (renaming of urban names took place)																													
Год		1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города																															
		Магомедов																													
Волны переименований Глава региона Глава города													</																		

ния, включавшие опросы, дискуссии в топонимической комиссии и голосования в городской Думе. Из наиболее резонансных и показательных для нашей темы отметим два.

Уже упомянутое переименование площади и проспекта Карла Маркса в 2011 г. вызвало, пожалуй, одно из самых бурных общественных обсуждений, включавших публикацию писем протеста, и вылившееся в проведение масштабного опроса и голосования в городской Думе. Большинство горожан и депутатов, а затем и мэр города поддерживали переименование, несмотря на наличие явно выраженного оппозиционного мнения меньшинства. Примечательно, что сама улица появилась лишь к 1950-м гг., ее планировали назвать именем Сталина, но в связи со сменой политической эпохи назвали Вокзальной, а в позже — Карла Маркса. В 2011 г. решено было не возвращать прежнее нейтральное название советского времени, а дать идеологически (религиозно) нагруженное новое название Воскресенский бульвар. Видимо, именно такая нагрузка вызвала новую волну протестных обсуждений со стороны ветеранов. Примечательно, что последние их требования уже не имели ничего общего с коммунистической идеологией как таковой (в этом мы видим признание ими мнения большинства), а были связаны с темой секуляризации и военной тематикой. Однако после обсуждения в 2020 г. их требование переименовать Воскресенский бульвар в бульвар Красной Армии было отклонено Думой [1].

Второе резонансное общественное обсуждение было связано с требованием возвращения переименованной в 1991 г. в историческую «улицу Федоровский Ручей» им. Гагарина. Такие требования общественностью высказывались неоднократно: в 2006, 2007, 2009, 2011 и 2019 гг. Связаны они были не столько с идеологическими, сколько с утилитарными аргументами (неоднозначностью для понимания сочетания «улица-ручей» и неудобством употребления), а также с популярностью личности первого космонавта. В противовес звучали исторические и местно-патриотические аргументы. В качестве компромисса предлагалось даже назвать другую (новую) улицу именем Гагарина. В конце концов также было проведено голосование, и в 2019 г. вопрос был закрыт большинством голосов в пользу сохранения исторического названия [19].

Очевидно, что действия властей по переименованиям урбонимов в Великом Новгороде весьма активно верифицируются обществом с применением демократических процедур, что нейтрализует появление потенциальных напряжений в отношениях общества и власти.

Абсолютное большинство переименований советских топонимов в **Рязани** имело место в 1994 г. (в преддверии празднования 900-летия города), в период нахождения во главе города В. Рюмина (до 21.03.1994 г.), с 1989 г. возглавившего Рязанскую оппозицию КПРФ, а с 1990 г. ставшего координатором движения «Демократическая Россия» в Рязанской области. В последующие годы руководство исполнительной власти было более консервативным в соответствии с настроениями электората. В 2000-х гг. из «советских» названий были переименованы лишь улицы Каляева и Халтурина (террористы-революционеры), которые могли попасть в «опалу» тогдашним коммунистическим, патриотическим и лоялистским руководителям города и региона не столько из-за борьбы с советской идеологией, сколько с терроризмом. Таким образом, можно предположить, что если бы на волне первых демократических реформ к власти в городе не пришли демократы, то десоветизация топонимии Рязани могла не состояться вовсе. Очень показательным примером того, как такая идеологическая инверсия власти компенсировалась в топонимии, выступает судьба центральной улицы Рязани: дореволюционная Большая Астраханская ул. в 1919 г. была переименована в Советскую, в 1924 г. — в ул. Ленина, в 1994 г. (при главе города В. Рюмине) — в Астраханскую ул., а в 1997 г. с приходом как в регионе, так и в городе к власти представителей КПРФ — обратно в ул. Ленина. Этот пример не единственный. Одной из первых процедур переименования подверглась улица Энгельса, которая стала именоваться

Рыбацкой. После начала протестных выступлений “для успокоения недовольных” в качестве компенсации улицу Индустриальную в Приокском поселке переименовали в улицу Энгельса [18]. Мы интерпретируем данные примеры как показатель несовпадения преобладавших настроений общества с практикой десоветизации, что привело к активизму и коррекции новой политической элитой принятых ранее решений.

Во **Владивостоке** десоветизация началась раньше, чем в других городах: еще в 1990 г., до избрания Б. Ельцина президентом РСФСР была переименована ул. Жертв Революции. Основная городская волна переименований советских урбонимов имела место в 1991 г. и связана с совпадавшими на тот момент демократическими и посткоммунистическими обновленческими настроениями электората и власти. В 1997 г. вторая волна переименований (в период исполнения обязанностей популярным и демонстрировавшим свою политическую независимость главой города В. Черепковым) в значительной мере коснулась топонимов присоединенного к городу поселка Трудовое. Судьба названий центральной улицы Владивостока складывалась следующим образом: изначально Американская ул. в 1873 г. была переименована в Светланскую (оба имени — по названиям исторически знаковых кораблей для региона), затем в 1924 г. — в Ленинскую, а в 1992 г. — обратно в Светланскую [21]. Такая “нормальная” модель, когда знаковой центральной улице, носившей на момент переименования имя Ленина, возвращается и впоследствии сохраняется историческое дореволюционное название (или его производная), повторяет пример Великого Новгорода и представляется распространенной.

Нам не удалось найти следов серьезного протестного активизма, связанного с переименованием советских урбонимов во Владивостоке. Вероятно, это связано с широкой общественной поддержкой харизматичного мэра В. Черепкова и его политики, частью которой и были указанные переименования⁸. Несмотря на такую лоялистскую реакцию на “черепковские” переименования советских урбонимов, прочая топонимическая проблематика активно формирует политическую повестку города. Последний пример: Владивосток оказался одним из лидеров среди городов, инициировавших общественную кампанию, требующую переименования ул. Терешковой в знак протеста против формального инициирования ею процесса, запустившего проведение референдума об изменениях в Конституцию в 2020 г. [5]. Можно заключить, что несмотря на осознаваемую обществом значимость топонимической повестки в политической борьбе, процесс десоветизации во Владивостоке происходил в режиме общественно-политического согласия.

В отличие от всех остальных городов, в **Махачкале** переименования топонимов носили характер не волн, а постоянно действующей практики. Некоторые улицы переименовывались неоднократно (пр. Калинина с 1992 г. — проспект Коркмасова, с 1996 г. — пр. Имама Шамиля). Переименования приостанавливались, как правило, лишь в период смен исполнительной власти республики и города. Абсолютное большинство советских топонимов было заменено именами национальных деятелей. Примечательно, что при этом новые названия могли также быть связаны с социалистическими революционными деятелями и с советскими партийными, государственными, спортивными и прочими фигурами, но только относящимися к дагестанско-вайнахским этносам. Таким образом, в данной модели десоветизация топонимии обуславливалась не столько стремлением к ее “деидеологизации”, сколько тем, что В. Тхакахов именуется “деколониализацией” [39], сопровождавшейся этнической “национализацией” топонимии. Второй тенденцией была уже отмеченная для Великого Новгорода “регионализация” исторической памяти, не обязательно связанная с этничностью. Так, некогда унифицированные советские урбонимы получили имена персон, связанных с Дагестаном:

⁸ В поддержку данного тезиса косвенно говорит тот факт, что после образования (лишь в 2008 г.!) топонимической комиссии в городе эта комиссия неоднократно рассматривала и отклоняла обращения по поводу переименования той или иной улицы в ул. В. Черепкова [20].

Плешакова (министр труда СССР), Подвального (герой Чеченских кампаний, депутат от Дагестана), Селивантеева (герой Советского Союза, погиб в Махачкале) и др. В списке новой топонимической иконографии есть и весьма политизированные персонажи: Имам Шамиль, А.А. Аджиев (идеолог газавата против России в Кавказской войне XIX в.). Центральная Инженерная улица Махачкалы после революции была переименована в Молодежную, в 1923 г. — в Комсомольскую, в 1950 г. — в ул. Сталина, в 1954 г. — в ул. Ленина, в 1977 г. — в Ленинский пр., в 2005 — в пр. Расула Гамзатова. Этот пример довольно позднего переименования также подтверждает тот факт, что идеологический аспект десоветизации в топонимической политике Махачкалы имеет вторичное значение на фоне упомянутых тенденций к “национализации” и “регионализации”⁹.

Топонимический активизм в Махачкале довольно выражен, особенно в последние годы, и направлен не на противодействие или поддержку десоветизации, а на две основных повестки. Во-первых, это протесты против особенностей административной практики переименований исходя из прагматических соображений. Неоднократно публично высказывалось недовольство: непрекращающимся почти ежегодным процессом переименований, непрозрачностью и бесконтрольностью решений властей в этом процессе, неоднократным переименованием одних и тех же улиц, дублированием названий, сменой нумерации домов и другой айдентики в этих процессах. Недовольство вызывали при этом большие затраты экономики на переименование, затраты личных средств и времени горожан на замену документов и айдентики, неэффективность организации этих процедур, практические проблемы ориентации горожан и городских служб в пространстве, клановость принятия решений о переименовании (именами родственников и т.п.) [15, 27].

Вторая протестная повестка связана не с административными, а идеологическими и политическими аспектами переименований. Они напрямую не связаны с десоветизацией, а имеют отношение к особенностям местной специфики выбора тематик для новой иконографии. Помимо упомянутых тем, фиксировались выступления против отдельных имен и принципов их использования, применительно к планам или практике конкретных переименований [14]. Неоднократно звучали призывы как к прекращению бесконтрольной высокой топонимической активности властей, так и к возвращению старых названий (однако не в связи с желанием реставрации советских названий, а скорее коррекции недавней практики) [27]. Можно заключить, что безотносительно повестки десоветизации, топонимическая практика властей Махачкалы способствует росту напряженности между властью и обществом.

ВЫВОДЫ

Мы подтвердили тот факт, что практики десоветизации городской топонимии в России существенно различаются, и такие различия, по всей видимости, связаны с региональными комбинациями политических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты. Характерные для зон расположения наших модельных городов как полюса географических электоральных расколов, так и “идеальных типов электоральных культур” (по Р.Ф. Туровскому) описывают различия в процессах десоветизации топонимии. Так, наиболее консервативные модели десоветизации демонстрировали города-представители Южной и Предкавказской электоральных культур (и полюсов Юга и этнической периферии в горизонтальных расколах [38]), отличающиеся соответственно про-левыми и плебисцитарно-лоялистскими настроениями. Наиболее радикальную модель десоветизации демонстрируют города Северной (северо-западной) электоральной культуры, которая характеризуется самым про-либераль-

⁹ Более подробный анализ трендов в топонимической политике городов Предкавказской электоральной культуры см. в работах В.Х. Тхакахова [39, 40].

ным электоратом. Владивосток, как представитель полюса Восток в электоральном расколе Запад-Восток и Восточной (сибирской и дальневосточной) культуры [38], проявлял переходную модель десоветизации, приближающуюся тем не менее к “Южному” консервативному типу. Это соответствует характерному для этой культуры повышенному фону национал-популистской ориентации и поддержки левых сил.

Кроме того, в соответствии с выдвинутой гипотезой, выявлена зависимость моделей десоветизации от региональных комбинаций политических ориентаций населения и политических ориентаций правящей элиты. Существенное влияние на особенности и ход десоветизации оказывали организационные и политические особенности тех региональных и городских администраций, которые были у власти в соответствующие периоды. Так, например, были зафиксированы случаи возвращения знаковых советских топонимов, которые были переименованы радикально демократически настроенными администрациями, после прихода им на смену более консервативных администраторов в “красной” Рязани. А процесс “перманентного” переименования урбонимов в Махачкале лишь ненадолго прерывался в момент смен администраций. На примере переименований центральных улиц, имевших повышенное символическое значение и носивших имя Ленина, были выявлены разные практики в исследованных модельных примерах. “Нормальная” картина возвращения такой улице в ходе первой же волны десоветизации исторического дореволюционного наименования, сохранявшегося затем неизменным, была зафиксирована в Великом Новгороде и Владивостоке. Ей противостояли модели Рязани, где, как указывалось выше, после первичного переименования центральной улицы в начале 1990-х, затем в конце 1990-х гг. ей снова было возвращено имя Ленина, а также модель Махачкалы, в которой переименование центрального Ленинского пр. в пр. Расула Гамзатова произошло отнюдь не первым, а лишь через 15 лет после окончания советской эпохи и старта периода первичной демократизации в России. Такие различия мы также объяснили особенностями указанных политических культур.

Приведенные примеры связи общественной реакции с топонимическими решениями также вполне подтверждают нашу гипотезу. Так, было показано, что в ряде случаев (как, например, в Рязани — по повестке десоветизации, а в Махачкале — по прочим аспектам топонимической политики) проявлялся существенный протестный активизм, потребовавший коррекции политики властей. В случае Великого Новгорода и Владивостока практика властей в области десоветизации совпадала с ориентациями общества и не вызывала существенного протестного активизма.

Помимо общего тренда перехода от единой советской матрицы урбонимов к региональной диверсификации топонимических подходов, нами отмечена повторяющаяся практически во всех городах тенденция к “деидеологизации” и “регионализации” топонимии через закрепление региональной исторической памяти, для Махачкалы — минимальная “деидеологизация”, замененная “деколонизацией” [39], сопровождавшейся “национализацией” и той же “регионализацией” топонимии. Можно также отметить, что по сравнению с исследованными ранее столичными городами стран СНГ [3], региональные центры, попавшие в данное исследование, демонстрировали минимальную тенденцию к появлению в топонимии новых геополитических маркеров.

Таким образом, мы подтвердили выдвинутую гипотезу, равно как и существование географических закономерностей распространения различий моделей десоветизации городской топонимии, выявили существенные факторы, формирующие такие различия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 53 новости. Новгородское сетевое издание. <https://53news.ru/novosti/55295-v-velikom-novgorode-vnov-predlozhili-pereimenovat-voskresenskij-bulvar.html> (дата обращения 10.09.2020)
2. Аксенов К.Э. Тайны избирательного бюллетеня. Электоральные бури и штили Северной столицы, 1989—2004. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т., 2008. 333 с.

3. Аксенов К.Э., Яралян С.А. Идеологизация пространства с использованием городской топонимики в странах СНГ // Региональные исследования. 2012. № 1. С. 3–12.
4. Акт Государственной историко-культурной экспертизы: <https://primorsky.ru/upload/medi-alibrary/f05/f05d42e7c1abf800170ba05e0a82674b.pdf/> (дата обращения 15.04.2020)
5. BezФормата. Владивостокское сетевое издание, 18 марта 2020: <https://vladivostok.bezforma-ta.com/listnews/predlozhili-pereimenovat-ulitsu-tereshkovej/82377752/>
6. Беляев А.Н. Топонимы как источник историко-лингвистической и культурологической информации. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2018. 395 с.
7. Ваши новости. Новгородская интернет-газета. 31 Марта 2017: <https://vnnews.ru/gizn-goro-da/53269-perekrestki-v-velikom-novgorode-ne-budut-preobrazovyvat-v-ploshchadi-s-voennymi-nazvaniyami.html> (дата обращения 10.09.2020)
8. Ваши новости. Новгородская интернет-газета. 12 Сентября 2016: <https://vnnews.ru/gizn-goroda/50200-25-let-nazad-ulitsam-velikogo-novgoroda-vernuli-istoricheskie-imena.html> (дата обращения 15.04.2020)
9. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
10. Галактионова Н.А. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) // Регионология. 2016. № 1(94). С. 152–163.
11. Дума Великого Новгорода. Официальный сайт: http://duma.nov.ru/slushaem_gorod/9/ (дата обращения 10.09.2020)
12. Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия: структурносемантический анализ топонимической системы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2007.
13. Запольская О.В., Моисеев С.В. Улицы Великого Новгорода: справочник. Великий Новгород, 2010. 191 с.
14. Кавказ. Реалии. Сетевое издание, 22 апреля 2017: <https://www.kavkazr.com/a/ulica-kadyrova-reakcia-socsetey/28445681.html> (дата обращения 10.09.2020)
15. Кавказский узел. Сетевое издание, 27 августа 2019: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/339543/> (дата обращения 10.09.2020)
16. Калущков В.Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестн. Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
17. Мизь Н.Г., Стратиевский О.Б., Авдудевская И.А. Кто в имени твоём: улицы города Владивостока. Владивосток: ООО “Группа “Транзит ДВ”, 2008. 272 с.
18. Новая газета, Рязанский выпуск, № 03, 25 января 2018 г.: https://novgaz-rzn.ru/number25012018_03/3393.html (дата обращения 15.04.2020)
19. Новгород. Городская еженедельная газета, 12 июня 2019: <https://gazeta-novgorod.ru/gazety/gazeta-novgorod/19840-vernite-ulitse-imya-gagarina.html%20/> (дата обращения 10.09.2020)
20. Новости Владивостока, 7 июля 2018: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/07/02/171566/#ix-zz6YbVM5OHh>
21. Новости Владивостока, 2 июля 2018: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/07/02/171566/> (дата обращения 15.04.2020)
22. Официальный сайт Администрации города Махачкалы: <https://www.mkala.ru/> (дата обращения 15.04.2020)
23. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 189 с.
24. Полюшкевич О.А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 80–94.
25. Постановление о сохранении и упорядочении наименований улиц города Владивостока: <http://docs.cntd.ru/document/432860683> (дата обращения 15.04.2020)
26. Приложение № 3 к постановлению Главы города Махачкалы от 25 декабря 2012 г. № 4426 Общегородской перечень наименований элементов улично-дорожной сети и иных территорий проживания граждан городского округа “город Махачкала”. Администрация г. Махачкала: http://sovet.mkala.ru/netcat_files/449/362/h_f31a8745c009eac8090155d21181333f/ (дата обращения 15.04.2020)
27. Регнум. Сетевой информационный портал, 22 августа 2017: <https://regnum.ru/news/society/2312595.html%20/> (дата обращения 10.09.2020)
28. Реестр наименований элементов улично-дорожной сети и плоскостных градостроительных планировочных элементов Великого Новгорода (с учетом внесенных изменений от 20.02.2020): <http://docs.adm.nov.ru/C3257598003DA045/0/C3257598003DA04544257A17001-B2AF1?OpenDocument/> (дата обращения 15.04.2020)
29. Рублёва О.Л. Топонимическая система Приморья: аспекты и перспективы исследования // Изв. Восточного института. 2016. Т. 4(32). С. 35–44.
30. Рязанская топонимическая комиссия 25 лет / Ред. Н.А. Булычев. Рязань, 2012. 98 с.

31. Список улиц Махачкалы: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%86_%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%87%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8B (дата обращения 15.04.2020)
32. Терентьев Е.А. Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // ЖССА. 2015. № 2. С. 72–86.
33. Терентьев Е.А. Топонимический активизм и “право на город”: социологические заметки // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1. С. 194–202.
34. Тесленок С.А., Ивлиева Н.Г., Учеваткина Н.В., Тесленок К.С. Создание специализированной топонимической ГИС для районов дерусификации, десоветизации и декоммунизации // Материалы Междунар. конф. “ИнтерКарто. ИнтерГИС”, 2017. Т. 23(2). С. 13–26.
35. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017. 184 с.
36. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т “Сов. энцикл.”; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940 (4 т.).
37. Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестн. Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.
38. Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития. 2005. № 4. С. 161–202.
39. Тхакахов В.Х. Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная Мысль Кавказа. 2019. № 2. С. 40–49.
40. Тхакахов В.Х. Топонимическая трансформация идентичности и памяти в КБР: Нальчик // Научная Мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 73–80.
41. Федеральная информационная адресная система (ФИАС) ФНС России: <https://fias.nalog.ru/> (дата обращения 20.07.2020)
42. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения 25.07.2020)
43. Чайкина Ю.И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII–XVIII вв.) // Вопросы ономастики. Вып. 15 / Отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 48–56.
44. Alderman D.H., Inwood J. Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King // J. Social & Cultural Geography. 2013. V. 14. № 2. P. 211–233.
45. Axenov K. Between degradation and gentrification in a post-transformational metropolis city center: the case of St. Petersburg // Eurasian Geography and Economics. 2014. V. 55. № 6. P. 656–673.
46. Marín A.R. José. Bordering Time in the Cityscape. Toponymic Changes as Temporal Boundary-Making: Street Renaming in Leningrad/St. Petersburg. // Geopolitics. 2012. № 17. P. 192–216.
47. Purcell M. Excavating Lefebvre: the right to the city and its urban politics of the inhabitant // Geo-J. 2002. V. 58. № 2–3. P. 102–103.
48. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Collective memory and the politics of urban space: an introduction // Geo-J. 2008. V. 73. № 3. P. 161–164.
49. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // Progress in Human Geography. 2010. V. 34. № 4. P. 453–470.
50. Sýkora L., Bouzarovski S. Multiple Transformations: Conceptualising the Post-communist Urban Transition // Urban Studies. 2012. V. 49. P. 43–60.

Geographic Patterns of De-Sovietization of Toponymy in Russian Cities

K. E. Axenov*

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

**e-mail: axenov@peterlink.ru*

Desovietization of urban toponymy is understood in the paper as a process of abandoning the unified “matrix of urban names” that formed a common Soviet identity, and as an indicator of the transition of Russian society from the unification of identity to its diversity. The paper proves that the practices of desovietization of urban toponymy in Russia differ significantly, and such differences are associated with regional combinations of political orientations of the population and the political orientations of the ruling elite. Poles of geographical electoral cleavages, types of electoral cultures (according to R.F. Turovsky) describe geographical differences in the processes of desovietization of toponymy. It is shown what influence the organizational and political features of regional and city administrations had on the features and course of desovietization during the periods of renaming. In addition to the general

trend of transition from a single Soviet matrix of urban names to regional diversification of toponymic approaches, there is a tendency to “deideologization” and “regionalization” of toponymy through the consolidation of regional historical memory, for national republics – minimal “deideologization”, replaced by “decolonization”, accompanied by “nationalization” and the same “regionalization” of toponymy.

Keywords: urban toponymy, desovietization, identity, post-Soviet transformation, geographical patterns, electoral cleavages, urban governance

REFERENCES

1. 53 novosti. Novgorodskoe setevoe izdanie. <https://53news.ru/novosti/55295-v-velikom-novgorode-vnov-predlozhili-pereimenovat-voskresenskij-bulvar.html> (data obrashcheniya 10.09.2020)
2. *Aksenov K.E.* Tajny izbiratel'nogo byulletenya. Elektoral'nye buri i shtili Severnoj stolicy, 1989–2004. SPb.: Sankt-Peterburgskij gos. un-t., 2008. 333 s.
3. *Aksenov K.E., Yarlyan S.A.* Ideologizaciya prostranstva s ispol'zovaniem gorodskoj toponimiki v stranah SNG // Regional'nye issledovaniya. 2012. № 1. S. 3–12.
4. Akt Gosudarstvennoj istoriko-kul'turnoj ekspertizy: <https://primorsky.ru/upload/medialibrary/f05/f05d42e7c1abf800170ba05e0a82674b.pdf/> (data obrashcheniya 15.04.2020)
5. BezFormata. Vladivostokskoe setevoe izdanie, 18 marta 2020: <https://vladivostok.bezformata.com/listnews/predlozhili-pereimenovat-ulitcu-tereshkovej/82377752/>
6. *Belyaev A.N.* Toponimy kak istochnik istoriko-lingvisticheskoy i kul'turologicheskoy informacii. Moskva, Berlin: Direkt-Media, 2018. 395 s.
7. Vashi novosti. Novgorodskaya internet-gazeta. 31 Marta 2017: <https://vnnews.ru/gizn-goroda/53269-perekrestki-v-velikom-novgorode-ne-budut-preobrazovyvat-v-ploshchadi-s-voennyimi-nazvaniyami.html> (data obrashcheniya 10.09.2020)
8. Vashi novosti. Novgorodskaya internet-gazeta. 12 Sentyabrya 2016: <https://vnnews.ru/gizn-goroda/50200-25-let-nazad-ulitsam-velikogo-novgoroda-vernuli-istoricheskie-imena.html> (data obrashcheniya 15.04.2020)
9. *Vodak R.* Yazyk. Diskurs. Politika / Per. s angl. i nem. Karasika V.I., Troshinoy N.N. Volgograd: Peremena, 1997. 139 s.
10. *Galaktionova N.A.* Sociokul'turnyj oblik regiona cherez prizmu toponimicheskoy politiki (kejs Tyumeni i Naberezhnyh CHelnov) // Regionologiya. 2016. № 1(94). S. 152–163.
11. Duma Velikogo Novgoroda. Oficial'nyj sayt: http://duma.nov.ru/slushaem_gorod/9/ (data obrashcheniya 10.09.2020)
12. *Zabelin N.Yu.* Moskovskaya gorodskaya toponimiya: strukturno-semanticheskij analiz toponimicheskoy sistemy. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M., 2007.
13. *Zapol'skaya O.V., Moiseev S.V.* Ulicy Velikogo Novgoroda: spravochnik. Velikij Novgorod, 2010. 191 s.
14. Kavkaz.Realii. Setevoe izdanie, 22 aprelya 2017: <https://www.kavkazr.com/a/ulica-kadyrova-reakcia-socsetey/28445681.html> (data obrashcheniya 10.09.2020)
15. Kavkazskij uzel. Setevoe izdanie, 27 avgusta 2019: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/339543/> (data obrashcheniya 10.09.2020)
16. *Kaluckov V.N.* Konceptualizaciya geograficheskogo prostranstva: onomasticheskie aspekty // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2020. № 1. S. 57–69.
17. *Miz' N.G., Stratievskij O.B., Avduevskaya I.A.* Kto v imeni tvoyom: ulicy goroda Vladivostoka. Vladivostok: OOO “Gruppa “Tranzit DV”, 2008. 272 s.
18. Novaya gazeta, Ryazanskij vypusk, № 03, 25 yanvarya 2018 g.: https://novgaz-rzn.ru/nomer25012018_03/3393.html (data obrashcheniya 15.04.2020)
19. Novgorod. Gorodskaya ezhenedel'naya gazeta, 12 iyunya 2019: <https://gazeta-novgorod.ru/gazety/gazeta-novgorod/19840-vernite-ulitse-imya-gagarina.html%20/> (data obrashcheniya 10.09.2020)
20. Novosti Vladivostoka, 7 iyulya 2018: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/07/02/171566/#ixzz6Yb-VM5OHH>
21. Novosti Vladivostoka, 2 iyulya 2018: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/07/02/171566/> (data obrashcheniya 15.04.2020)
22. Oficial'nyj sayt Administracii goroda Mahachkaly: <https://www.mkala.ru/> (data obrashcheniya 15.04.2020)
23. *Podol'skaya N.V.* Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii. Izd. 2-e, pererab. i dop. / Otv. red. A.V. Superanskaya. M.: Nauka, 1988. 189 s.

24. *Polyushkevich O.A.* Simvolicheskoe konstruirovaniye territorial'noj identichnosti (na primere toponimiki Irkutsk) // Upravlencheskoe konsul'tirovaniye. 2017. № 11. S. 80–94.
25. Postanovlenie o sohranении i uporyadochenii naimenovaniy ulic goroda Vladivostoka: <http://docs.cntd.ru/document/432860683> (data obrashcheniya 15.04.2020)
26. Prilozhenie № 3 k postanovleniyu Glavy goroda Mahachkaly ot 25 dekabrya 2012 g. № 4426 Obshchegorodskoj perechen' naimenovaniy elementov ulichno-dorozhnoj seti i inyh territorij prozhivaniya grazhdan gorodskogo okruga "gorod Mahachkala". Administraciya g. Mahachkala: http://sovet.mkala.ru/netcat_files/449/362/h_f31a8745c009eac8090155d21181333f/ (data obrashcheniya 15.04.2020)
27. Regnum. Setevoj informacionnyj portal, 22 avgusta 2017: <https://regnum.ru/news/society/2312595.html%20/> (data obrashcheniya 10.09.2020)
28. Reestr naimenovaniy elementov ulichno-dorozhnoj seti i ploskostnyh gradostroitel'nyh planirovochnykh elementov Velikogo Novgoroda (s uchytom vnesennykh izmenenij ot 20.02.2020): <http://docs.adm.nov.ru/C3257598003DA045/0/C3257598003DA04544257A17001B2AF1?Open-Document/> (data obrashcheniya 15.04.2020)
29. *Rublyova O.L.* Toponimicheskaya sistema Primor'ya: aspekty i perspektivy issledovaniya // Izvestiya Vostochnogo institute. 2016. V. 4(32). S. 35–44.
30. Ryazanskaya toponimicheskaya komissiya 25 let / Red. N.A. Bulychev. Ryazan', 2012. 98 s.
31. Spisok ulic Mahachkaly: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%86_%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%87%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8B (data obrashcheniya 15.04.2020)
32. *Terent'ev E.A.* Pereimenovanie sovetskikh toponimov v Sankt-Peterburge: analiz publicnykh diskussij // ZHSSA. 2015. № 2. S. 72–86.
33. *Terent'ev E.A.* Toponimicheskij aktivizm i "pravo na gorod": sociologicheskie zametki // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2015. № 1. S. 194–202.
34. *Teslenok S.A., Ivlieva N.G., Uchevatkina N.V., Teslenok K.S.* Sozdanie specializirovannoj toponimicheskoy GIS dlya rajonov derusifikacii, desovetizacii i dekomunizacii // Materialy Mezhdunar. konf. "InterKarto. InterGIS", 2017. V. 23(2). S. 13–26.
35. *Titov V.V.* Politika pamyati i formirovaniye nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti: rossijskij opyt i novye tendencii. M.: Vash format, 2017. 184 c.
36. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.N. Ushakova. M.: Gos. in-t "Sov. encikl."; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935–1940 (4 t.).
37. *Turovskij R.F.* Politicheskij landshaft kak kategoriya politicheskogo analiza // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 1995. № 3. S. 33–44.
38. *Turovskij R.F.* Konceptual'naya elektoral'naya karta postsovetskoj Rossii // Politika. 2005. № 4. S. 161–202.
39. *Thakahov V.H.* Identichnost' i pamyat' v toponimicheskoy politike Chechni // Nauchnaya Mysl' Kavkaza. 2019. № 2. S. 40–49.
40. *Thakahov V.H.* Toponimicheskaya transformaciya identichnosti i pamyati v KBR: Nal'chik // Nauchnaya Mysl' Kavkaza. 2018. № 4. S. 73–80.
41. Federal'naya informacionnaya adresnaya sistema (FIAS) FNS Rossii: <https://fias.nalog.ru/> (data obrashcheniya 20.07.2020)
42. Central'naya izbiratel'naya komissiya Rossijskoj Federacii: <http://www.cikrf.ru/> (data obrashcheniya 25.07.2020)
43. *Chajkina YU.I.* Iz istorii toponimii i antroponomii Ustyuzhskogo i Totemskogo uezdov (po materialam delovoj pis'mennosti XVII–XVIII vv.) // Voprosy onomastiki. Vyp. 15 / Otv. red. A.K. Matveev. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1982. S. 48–56.
44. *Alderman D.H., Inwood J.* Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King // J. Social & Cultural Geography. 2013. V. 14. № 2. P. 211–233.
45. *Axenov K.* Between degradation and gentrification in a post-transformational metropolis city center: the case of St. Petersburg // Eurasian Geography and Economics. 2014. V. 55. № 6. P. 656–673.
46. *Marín A.R. José.* Bordering Time in the Cityscape. Toponymic Changes as Temporal Boundary-Making: Street Renaming in Leningrad/St. Petersburg. // Geopolitics. 2012. № 17. P. 192–216.
47. *Purcell M.* Excavating Lefebvre: the right to the city and its urban politics of the inhabitant // Geo-J. 2002. V. 58. № 2–3. P. 102–103.
48. *Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M.* Collective memory and the politics of urban space: an introduction // Geo-J. 2008. V. 73. № 3. P. 161–164.
49. *Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M.* Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // Progress in Human Geography. 2010. V. 34. № 4. P. 453–470.
50. *Sýkora L., Bouzarovski S.* Multiple Transformations: Conceptualising the Post-communist Urban Transition // Urban Studies. 2012. V. 49. P. 43–60.

ОПЫТ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ КАРЕЛИИ (XIX–НАЧАЛО XX ВВ.)

© 2020 г. С. Б. Потахин*

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

**E-mail: spotakhin@yandex.ru*

Поступила в редакцию 01.09.2019 г.

После доработки 11.08.2020 г.

Принята к публикации 25.08.2020 г.

Историко-географическое районирование оказывает большую помощь при анализе развития территориальной организации населения и хозяйства в определенный исторический этап. Проведение историко-природно-хозяйственного районирования позволяет выявить пространственные особенности хода процесса хозяйственного освоения, под которым понимается исторический процесс взаимодействия и взаимовоздействия изменяющейся природной среды (ландшафта) и развивающегося человеческого общества (населения), выраженный в смене типов природопользования и характерный для каждого конкретного региона. По особенностям традиционного природопользования на территории Карелии XIX–начала XX в. выделено 3 историко-природно-хозяйственных провинции, разделенные на 9 районов. Для каждого историко-природно-хозяйственного района Карелии характерны отличительные природные особенности и этнический состав населения, специфические черты традиционного природопользования и системы заселения территории. В XX в. произошел постепенный переход к единому природопользованию с доминированием лесохозяйственной деятельности и с присутствием (особенно в Южной провинции) сельскохозяйственного производства. Сохранение черт традиционного природопользования отмечается в Прибеломорском и Беломорско-Карельском районах Северной провинции, Заонежском и Пудожском районах Южной провинции.

Ключевые слова: историко-географическое районирование, природопользование, этнолокальные группы, ландшафт, Карелия

DOI: 10.31857/S0869607120030076

ВВЕДЕНИЕ

Районирование является универсальным методом упорядочения территориальных систем. Для географии районирование, или таксонирование территории, по утверждению Э.Б. Алаева, — это “особый вид систематизации, при которой целью ставится членение изучаемой территории на равнозначные или иерархически соподчиненные территориальные ячейки — таксоны” [1, с. 116]. При проведении районирования необходимо учитывать, что “все идентифицируемые (выделенные) таксоны должны отвечать, по меньшей мере, двум критериям: критерию специфики данного таксона и критерию целостности районируемых (идентифицируемых) элементов” [1, с. 117].

При характеристике территориальной организации в конкретный исторический этап большую помощь оказывает историко-географическое районирование. В историко-географическом районировании можно выделить два направления: частное и интегральное. Частное, в свою очередь, разбивается на несколько направлений: исто-

рико-политико-географическое, историко-этнографическое, историко-физико-географическое (палеогеографическое), историко-культурное.

Историко-политико-географическое районирование предусматривает проведение границ между государственными и внутригосударственными образованиями, историческими областями в определенные исторические периоды. Примерами подобных исследований служат работы В.Л. Егорова по исторической географии Золотой Орды [11], М.К. Любавского по формированию территории Российского государства [22] и др.

Историко-этнографическое районирование направлено на выделение ареалов проживания различных этносов и/или этнолокальных групп. Подобный вид работ выполнен по различным частям планеты, как на региональном, так и глобальном уровнях. Так, Б.В. Андриановым и Н.Н. Чебоксаровым было проведено районирование некоторых регионов Африки и зарубежной Азии [2], В.С. Титовым — Белоруссии [31], К.К. Логиновым [20, 21] и С.И. Кочкуркиной [19] — Карелии.

Историко-культурное районирование предусматривает принятие в качестве основных признаков элементы традиционной народной культуры. Работы по данному направлению объемно представлены в публикациях А.Г. Манакова [23, 24], а также А.А. Андреева [2].

Историко-физико-географическому (палеогеографическому) районированию посвящены исследования Н.Г. Судаковой и др. на примере Восточно-Европейской равнины [30], работы Г.А. Елиной, А.Д. Лукашова и П.Н. Токарева [12], Т.К. Юрковской и Г.А. Елиной [32] по территории восточной части Фенноскандии.

По мнению А.Г. Исаченко [14, с. 116], историко-географическое районирование имеет интегральный географический характер, т.е. охватывает взаимосвязанные природные и общественные явления. Природные ландшафты являются относительно стабильными (инвариантными) элементами, создающими опорный каркас районирования. Мобильные (вариабельные) явления определяют историческую изменчивость территориальных систем развития общества.

Примерами интегрального историко-географического районирования являются работы В.С. Жекулина по Новгородскому краю [13], В.В. Рюмина по Южной Сибири [21, 22], Л.Б. Вампиловой по Европейскому Северу России [7, 8], А.Г. Исаченко по Северо-Западу Европейской России [14], Б.А. Середовских и В.И. Булатова по северу Западной Сибири [29], В.В. Канищева и Н.А. Жирова по югу Центральной России [18], С.Б. Потахина по Тувинской котловине [25], Т.Е. Исаченко по Обонежью [17].

Историко-географическое районирование предусматривает вычленение районов (таксонов) различного иерархического уровня. Как правило, определяют три ступени: макро-, мезо-, и микроуровень. Таксоны у разных авторов имеют различные наименования. Так, Л.Б. Вампилова и А.Г. Манаков [9] на макроуровне выделяют страну и область, на мезоуровне — подобласть, провинцию, округ, на микроуровне — подокруг, ареал. При районировании России этими авторами на макроуровне выделяются 9 историко-географических стран, включающих 23 области [10].

Историко-географическое районирование разрабатывается на конкретный исторический период (этап хозяйственного освоения), т. к. оно не может оставаться стабильным во времени: границы по ряду причин подвергаются разновременным изменениям. Примерами историко-географического районирования на определенные исторические периоды служат работы А.Г. Исаченко [14, 15], В.В. Канищева и Н.А. Жирова [18], Т.Е. Исаченко [16, 17].

Цель настоящей работы — охарактеризовать исторический процесс взаимодействия и взаимовоздействия изменяющейся природной среды и развивающегося человеческого общества, выраженный в смене типов природопользования и характерный для каждого конкретного региона [26] на территории Карелии в XIX—начале XX вв.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Территория современной Республики Карелия в XIX—начале XX вв. входила в состав трех административных образований: Олонецкой губернии, Кемского уезда Архангельской губернии и Великого княжества Финляндского.

Олонецкая губерния после подписания в 1801 г. Высочайшего указа об образовании подразделялась на семь уездов: Петрозаводский, Повенецкий, Олонецкий, Пудожский, Лодейнопольский, Каргопольский и Вытегорский. В их составе было 87 волостей. В настоящее время в состав Карелии не входят бывшие уезды и волости Олонецкой губернии, расположенные за пределами Фенноскандии — Лодейнопольский (ныне Ленинградская область), Каргопольский (ныне Архангельская область) и Вытегорский (ныне Вологодская область) уезды, а также шесть волостей Пудожского уезда.

Северная Карелия практически полностью соответствует Кемскому уезду Архангельской губернии, а северо-западная территория Лоухского района Республики Карелия была частью Куусамского прихода Улеаборгско-Каянской губернии Финляндского княжества.

В состав Карелии в настоящее время входит северо-восточная часть Выборгской губернии — уезды Куркиеки, Сортавала, Салми и Суоярви, а также волость Хийтола в уезде Якисалми.

Учитывая исторические особенности территории Карелии на период XIX—начало XX вв., можно выделить три историко-политико-географических области: Олонецкая Карелия (в составе Олонецкой губернии), Беломорская (Кемская) Карелия (в пределах Архангельской губернии) и Ладжская Карелия (северо-восточная часть Выборгского уезда Великого княжества Финляндского). Историко-политико-географические районы будут соответствовать уездам, а микрорайонами будут выступать волости. Однако при таком подходе, предусматривающем учет лишь административных подразделений, в стороне остаются природные, этнические особенности и направления хозяйственной деятельности.

В основу историко-этнического районирования положена сетка ареалов различных этнических групп населения. В пределах Карелии выделяются области проживания четырех групп карельского этноса (ладжские, северные или собственно карелы, карелы-ливвики, карелы-людики), четырех основных групп русского (заонежане, водлозеры, выгозеры, поморы) и одной — вепсского (прионежские, или северные вепсы). Отдельно выделяются микрорайоны малых этнолокальных групп русского населения — чельмужан, шалаян, гангозеров [29, 30]. При данном подходе также не учитываются особенности хозяйственной деятельности населения.

Учет природных и историко-этнических особенностей, направлений природопользования (хозяйственной деятельности) применяется при историко-природно-хозяйственном районировании, или районировании традиционного природопользования, представляющем собой частный вид историко-географического районирования. В этом виде районирования учитываются ландшафтные особенности территории, пространственная структура расселения этнолокальных групп и направления традиционного природопользования в различных частях Карелии. В основе пространственной физико-географической структуры лежит схема ландшафтного районирования Карелии [4, 5].

По особенностям традиционного природопользования на территории Карельской историко-природно-хозяйственной области нами выделены три историко-природно-хозяйственные провинции — Северная, Центральная и Южная, подразделяющиеся на 9 историко-природно-хозяйственных районов (рис. 1). В основе выделения районов лежит и этнический признак, так как этнолокальные группы населения отличались по ландшафтным особенностям проживания и доминирующим направлениям хозяйственной деятельности.

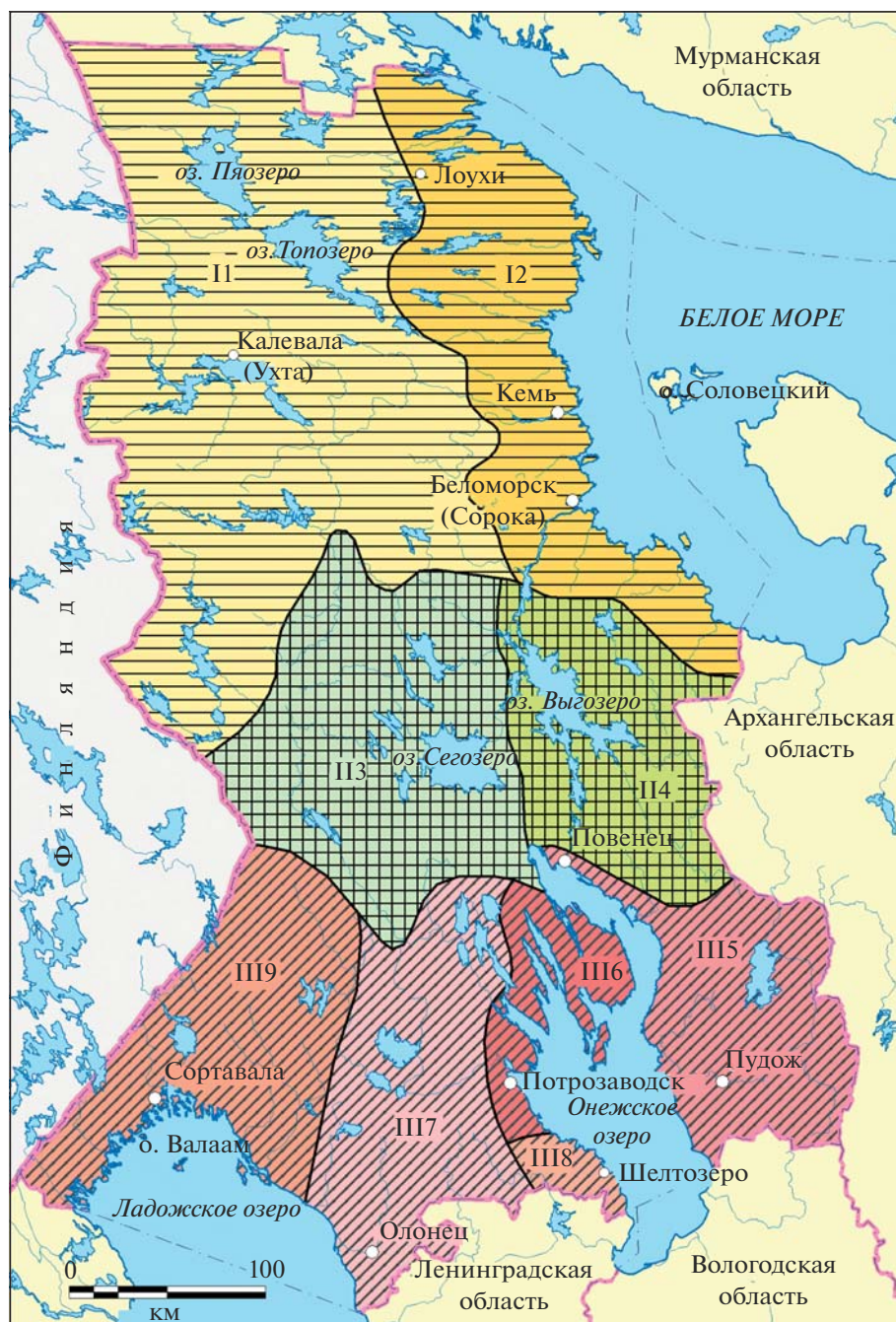
К первой провинции — **Северной** — относится северная часть территории современной республики. Она отличается относительно суровыми климатическими условиями и находится севернее среднегодовой изотермы 1°C , в северной агроклиматической зоне Карелии, в подзоне северной тайги. В провинции выделены Беломорско-Карельский и Прибеломорский районы.

Беломорско-Карельский историко-природно-хозяйственный район находится в пределах Куусамского, Северного Западно-Карельского, Пяозерско-Топозерского и Тунгудозерского северотаежных ландшафтных районов. По природным особенностям отличается Куусамский район, где представлен низкогорный рельеф и еловые леса в северном ареале своего распространения. Для остальной территории характерно господство сосновых насаждений, густая озерно-речная сеть и преобладание малоплодородных подзолов. Район заселен северными, или собственно карелами. Исторически эта часть Карелии носит название “Беломорская Карелия”. Для всей территории были характерны единые направления природопользования: подсечно-огневое и в меньшей степени пашенное земледелие, озерно-речное рыболовство и охота. Животноводство наряду с разведением крупного и мелкого рогатого (овец) скота было представлено и оленеводством. Своеобразным промыслом местного населения было корабельничество — обслуживание меновой торговли между населением, проживающим от Белого моря до Ботнического залива. Беломорская Карелия — район, где были собраны руны карельского народа, ставшие созданным Э. Лённротом эпосом “Калевала”. В советское время основными направлениями хозяйственной деятельности были лесозаготовки, сельскохозяйственную деятельность представляли зверосовхозы. Благодаря наличию крупных особо охраняемых природных территорий (ООПТ) — Костомукшского государственного заповедника, Паанаярвского и Калевальского национальных парков, развита туристско-рекреационная деятельность.

Прибеломорский историко-природно-хозяйственный район расположен в Северо-Прибеломорском и Южно-Прибеломорском северотаежных ландшафтных районах Карелии. Этот район характеризуется широким распространением денудационно-тектонического рельефа, преобладанием сосновых лесов, значительной заболоченностью, выходом к побережью Белого моря и нижними течениями рек северной Карелии — Нюхчи, Сумы, Выга, Шуи, Кеми, Поньгомы, Керети. Исторически эта территория подразделяется на два подрайона: Поморский Берег и Карельский Берег. Первый подрайон заселен этнолокальной группой русских Поморья — поморами, во втором среди поморских имелись поселения северных карелов. Основными видами хозяйственной деятельности поморов были озерно-речное и морское рыболовство, промысел морского зверя, при наличии оленеводства и слабо развитого земледелия. Дополнительными занятиями служили лесозаготовки, добыча жемчуга и слюды; в более раннее время было широко развито солеварение. Преобладающий тип заселения — приречный, ограниченный в нижнем течении рек воздействием приливных морских

Рис. 1. Историко-природно-хозяйственное районирование Карелии (составлено автором при участии М.С. Богдановой). Историко-природно-хозяйственные районы Северной провинции: I1 — Беломорско-Карельский, I2 — Прибеломорский; историко-природно-хозяйственные районы Центральной провинции: II3 — Сегозерский, II4 — Выгозерский; историко-природно-хозяйственные районы Южной провинции: III5 — Пудожский, III6 — Заонежский, III7 — Ливвиково-Людиковский, III8 — Северо-Вепсский, III9 — Ладжско-Карельский.

Fig. 1. Historical-natural-economic zoning of Karelia (compiled by the author with the participation of M.S. Bogdanova). Historical-natural-economic regions of the Northern province: I1 — Belomorian-Karelian; I2 — Belomorian; historical-natural-economic regions of the Central province: II3 — Segozero, II4 — Vygozero; historical-natural-economic region of the Southern province: III5 — Pudozh, III6 — Zaonezhye, III7 — Livvik-Liudik, III8 — North-Vepsian, III9 — Ladoga-Karelian.

вод. К настоящему времени черты поморского быта частично сохранились. В советское время основными сельскохозяйственными предприятиями были рыболовецкие колхозы, проводилась добыча слюды. Оленеводческая деятельность прекратилась в послевоенное время. Наличие историко-культурных и природных объектов, а также выгодное транспортно-географическое положение по отношению к Соловецкому архипелагу послужило причиной развития современной туристско-рекреационной деятельности.

Центральная провинция расположена в южной части северной тайги и в северной части средней тайги, в средней агроклиматической зоне Карелии. Она включает Сегозерский и Выгозерский историко-природно-хозяйственные районы. Они находятся в пределах Центрального и Южного Западно-Карельского и Сегозерско-Выгозерского ландшафтных районов, а также района Ветреного Пояса

Сегозерский историко-природно-хозяйственный район заселен паданской и поросозерской подгруппами северных карел. Развитая озерно-речная сеть и елово-сосновые древостои обусловили доминирование рыболовства и охоты, подсечно-огневого и пашенного земледелия. Поселения представляли собой малодворные деревни, располагавшиеся в основном по берегам озер. Основной вид хозяйственной деятельности в послереволюционное, а особенно в послевоенное время — лесозаготовки. В результате появления многочисленных лесопромышленных предприятий при малой плотности населения в 1940-х—1960-х гг. отмечался значительный приток рабочей силы из-за пределов Карелии. Это привело к изменению этнической ситуации: численность русского и белорусского населения здесь стала превышать численность карелов.

Выгозерский историко-природно-хозяйственный район был заселен русскими Выгозерья — выгозерами, а также (до 1850 г.) старообрядцами Выгорецкого края. Этот район отличался значительной ролью в хозяйственной деятельности охотничьего промысла, озерно-речного рыболовства, а также относительно развитым земледелием с большой долей его подсечно-огневого направления. Из промыслов было развито железоделательное производство. Близость к Белому морю и развитие в Беломорье лесопиления послужило причиной того, что часть населения занималась лесозаготовкой и выгонкой (сплавом) древесины. Наиболее широко был представлен приозерный тип заселения. Через эту территорию в XIX в. проходили основные водные и сухопутные пути сообщения между Белым морем и Онежским озером (например, Повенецко-Сумская почтовая дорога), ставшие впоследствии участками трассы Беломоро-Балтийского канала (ББК). В связи с сооружением ББК, строительством ГЭС, появлением Выгозерского водохранилища часть поселений выгозеров была затоплена. Лесозаготовительная промышленность — основное направление хозяйственной деятельности во второй половине XX в. Из крупных предприятий функционирует Сегежский ЦБК.

Южная провинция, включающая ареалы проживания русских Заонежья и Пудожского края, южных групп карелов (ладожских карелов, людиков и ливвиков) и прионежских вепсов, находится в средней тайге, в пределах юго-западной и южной агроклиматических зон Карелии. Она отличалась относительно высокой степенью развития сельского хозяйства.

В пределах провинции выделены Пудожский, Заонежский, Ливвиково-Людиковский, Северо-Вепсский и Ладожско-Карельский историко-природно-хозяйственные районы.

Пудожский историко-природно-хозяйственный район расположен в Водлозерском, Восточно-Онежском и Южно-Онежском среднетаежных ландшафтных районах. Для этой территории характерно преобладание еловых лесов с участием сосно-

вых, высокая заболоченность и густая озерно-речная сеть. Коренное население — локальные группы русских Пудожского края: пудожане, водлозеры, челмужане и шальяне. Эту территорию отличает интенсивное развитие рыболовства (со специализацией в зависимости от ихтиофауны водоема) и охоты на пушного зверя, копытных и боровую дичь. Пашенное земледелие было в основном развито в поймах рек бассейна р. Водла. Особенностью земледелия являлось выращивание не только традиционных северных зерновых культур, но и льна. Наличие кварцевых песков на побережье Онежского озера стало причиной появления здесь заводов по производству стеклянных изделий. Основными типами заселения были приречный и приозерный. Населенные пункты в основном располагались по р. Водла и ее притокам, по побережью Водлозера. В советское время основным видом хозяйственной деятельности стали лесозаготовки, а также рыбный промысел на Водлозере. В настоящее время благодаря наличию Водлозерского национального парка, историко-культурных объектов (онежских петроглифов, Муромского монастыря, исторических поселений) развита туристско-рекреационная деятельность.

Заонежский историко-природно-хозяйственный район находится в восточной и центральной частях Заонежья, в пределах Заонежского среднетаежного ландшафтного района. Для него характерны грядовый (денудационно-тектонический) и водноледниковый рельеф, большое количество заливов, внутренних водоемов и островов, широкое распространение плодородных шунгитовых почв. При наличии множества внутренних водоемов крупные водотоки отсутствуют. Заонежье является районом компактного проживания локальной этнической группы — русских Заонежья (заонежан). Относительно благоприятные природные условия способствовали развитию земледелия, а обилие водных объектов — рыболовству. Этот район в пределах Карелии XIX—начала XX вв. был наиболее освоенным в сельскохозяйственном отношении [6]. Приозерный тип расселения был преобладающим. В советское время сельскохозяйственное направление землепользования оставалось доминирующим. Для этого района характерно частичное сохранение агроландшафтов, исторических поселений и культовых объектов. С середины 1960-х гг. функционирует музей-заповедник “Кижи”. Эти факторы, а также наличие уникальных водных объектов (включая минеральные источники) послужило причиной большой туристско-рекреационной привлекательности Заонежья. Современное промышленное освоение территории представлено незначительными по масштабам лесозаготовками и горными разработками, в частности, шунгитовых месторождений.

Ливвиково-Людиковский историко-природно-хозяйственный район расположен в пределах западной части Заонежского, большей части Онежского-Ладожского, Восточно-Ладожского и Сязозерского среднетаежных ландшафтных районов Карелии. Здесь преобладают четвертичные отложения флювиогляциального и озерного генезиса, холмисто-грядовый рельеф, подзолистые супесчаные и суглинистые почвы. Район заселен южными группами карельского этноса: ливвиками и людиками. Основными направлениями природопользования были земледелие (как подсечно-огневое, так и пашенное), животноводство и рыболовство. Наличие мраморных месторождений (Тивдийского и Лижмозерского) выступило причиной появления у людиков горнопромышленного производства. В этом районе довольно широко представлен сележный (водораздельный) тип заселения, в южной части — приречный, включая приустьевой. Традиционное сельскохозяйственное направление природопользования остается преобладающим и в настоящее время.

Северо-Вепсский историко-природно-хозяйственный район находится в пределах Шокшинского денудационно-тектонического ландшафта Онежско-Ладожского среднетаежного ландшафтного района. Практически вся территория лежит в южной агроклиматической зоне Карелии, где среднегодовая температура воздуха превышает 2°C. Для Шокшинского ландшафта характерно значительное распространение выходов коренных кристаллических пород или выходов, перекрытых маломощным чехлом четвертичных отложений. Северо-Вепсский район — это территория компактного проживания северных (прионежских) вепсов. Основными видами природопользования населения были земледелие, животноводство и рыболовство на Онежском озере, лесозаготовки и углежжение, добыча и обработка природного камня (шокшинского кварцито-песчаника и габбро-диабазы). Водораздельный тип заселения значительно преобладал. На побережье Онежского озера поселения практически отсутствуют из-за непригодности территории для сельского хозяйства: береговая линия представлена чередованием скальных полуостровов и песчаных и галечниковых пляжей. В XX в. отмечается постепенный спад сельскохозяйственной активности при наращивании темпов горнодобывающей деятельности.

Ладожско-Карельский историко-природно-хозяйственный район расположен в Северо-Приладожском и части Сайменского и Южного Западно-Карельского среднетаежных ландшафтных районов. Большая часть территории находится в юго-западном агроклиматическом районе со среднегодовой температурой воздуха 3°C. На территориях, расположенных вблизи Ладожского озера, преобладает денудационно-тектонический рельеф, на севере кристаллический фундамент перекрыт флювиогляциальными и гляциальными отложениями. В пределах района были представлены все типы заселения, а отличительной чертой района служило наличие хуторского типа расселения. До середины 1940-х гг. столетия этот “маргинальный” район был частью Выборгской провинции Санкт-Петербургской губернии и Великого княжества Финляндия в составе Российской империи и входил в состав Республики Финляндия. Он был заселен в основном православными ладожскими карелами. После присоединения территории к СССР в 1940 г. местное население было эвакуировано в Финляндию, и Северное Приладожье было заселено выходцами из Европейской части России (Вологодской области, Чувашии, Татарстана), Белоруссии и Украины. Благоприятные климатические условия способствовали развитию сельского хозяйства (включая садоводство), а наличие гранитов и мраморов — горнопромышленному производству. Отличительной чертой стало развитие с конца XIX—начала XX вв. на территории района туристско-рекреационной деятельности, включая паломнический туризм. На части бассейна озера Толвоярви в 1919—1939 гг. функционировал национальный парк “Толвоярви” (в составе Финляндии). В настоящее время из крупных природоохранных территорий представлены национальный парк “Ладожские шхеры”, природный парк “Валаамский архипелаг”, ландшафтный заказник “Толвоярви”.

Следующее иерархическое подразделение — историко-природно-хозяйственные центры, или ядра освоения. Они соответствуют чаще всего волостным центрам, а в более ранние периоды — погостам. Например, во второй половине XIX—начале XX в. в Ладожско-Карельском районе выделялись Куркиекское, Сортавальское, Салминское, Суоярвское и Хийтольское ядра освоения Южной провинции, в Заонежском районе той же провинции — Толвуйское, Шунгское, Типиницкое, Великогубское, Сенногубское и Кондопожское ядра. В Северо-Вепском районе, располагавшимся в пределах Шелтозерско-Бережной волости, выделяются ядра освоения, соответствующие крупным сельским центрам: Шокшинское, Шелтозерское и Рыборецкое. В Прибеломор-

ском районе Северной провинции представлены Ковдозерское, Керетское, Вычтай-больское, Поньгомское, Подужемское, Шуерецкое, Сорокское, Лапинское, Колежмское и Нюхотское ядра.

ВЫВОДЫ

Проведение историко-природно-хозяйственного районирования на различные временные периоды позволило выявить пространственные особенности хода процесса освоения. Для каждого выделенного историко-природно-хозяйственного района Карелии XIX—начала XX в. характерны отличительные природные особенности и этнический состав населения, специфические черты природопользования и системы заселения. В XX в. произошел постепенный переход к единому природопользованию с доминированием лесохозяйственной деятельности с присутствием (особенно в Южной провинции) сельскохозяйственного производства. Сохранение черт традиционного природопользования отмечается в Прибеломорском и Беломорско-Карельском районах Северной провинции, Заонежском и Пудожском районах Южной провинции. Этническая ситуация в современной период повсеместно значительно изменилась, некоторое исключение составляют Заонежский, Ливвик-Людиковский и Прибеломорский районы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
2. Андреев А.А. Культурно-ландшафтное районирование территории Псковской области // Псковский регионологический журн. 2011. № 11. С. 113–131.
3. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и зарубежной Азии // Советская этнография. 1975. № 4. С. 33–50.
4. Антонова Р.Ф., Потахин С.Б. Ландшафтное районирование Карелии // Геосистемы Севера. Петрозаводск: КГПУ, 1998. С. 9–17.
5. Антонова Р.Ф. Пространственная структура ландшафтов Карелии // Тр. Карельского НЦ РАН. Биогеография Карелии. Сер. Б. Биология. Вып. 2. Петрозаводск, 2001. С. 19–26.
6. Богданова М.С. История освоения и современное состояние ландшафтов Заонежья: опыт ландшафтно-динамического изучения // Изв. РГО. 2011. Т. 143. Вып. 2. С. 23–31.
7. Вампилова Л.Б. Историко-географическое районирование Карелии // Проблемы этнической географии и культурного районирования: сб. научных статей. Псков: Изд-во АНО «Центр социального проектирования "Возрождение"», 2004. С. 190–200.
8. Вампилова Л.Б. Проблемы историко-географического районирования // Вестн. Тюменского государственного университета. 2005. № 4. С. 167–181.
9. Вампилова Л.Б., Манаков А.Г. Районирование России: историко-географический подход // Псковский регионологический журн. 2012. № 13. С. 26–36.
10. Вампилова Л.Б., Манаков А.Г. Природные и культурные признаки историко-географического районирования России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 6. С. 7–16.
11. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
12. Елина Г.А., Лукашов А.Д., Токарев П.Н. Картографирование растительности и ландшафтов на временных срезах голоцена таежной зоны Восточной Фенноскандии. СПб.: Наука, 2005. 112 с.
13. Жекулин В.С. Историческая география: предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с.
14. Исаченко А.Г. Принципы историко-географического районирования (на примере Северо-Запада Европейской России) // Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 1. С. 3–20.
15. Исаченко А.Г. Начальные этапы формирования историко-географических регионов на территории России (IX–XV вв.) // Изв. РГО. 2015. Т. 147. Вып. 5. С. 1–17.
16. Исаченко Т.Е. Историко-географическое районирование прибрежной части Ладожского озера для рубежа XVIII–XIX вв. (по материалам экспедиций Н.Я. Озерецковского) // Изв. РГО. 2017. Т. 149. Вып. 1. С. 61–79.
17. Исаченко Т.Е. Историко-географическое районирование побережья Онежского озера для рубежа XVIII–XIX вв. и его современная интерпретация // Изв. РГО. 2018. Т. 150. Вып. 2. С. 48–71.

18. Канищев В.В., Жиров Н.А. Моделирование историко-географического районирования (на материалах юга Центральной России XIX в.) // История: факты и символы. 2015. № 1. С. 63–81.
19. Кочуркина С.И. Народы Карелии: история и культура Петрозаводск, 2005. 208 с.
20. Логинов К.К. Аморфные и обособленные группы русских в Олонецкой губернии // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1990. С. 140.
21. Логинов К.К. Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2016. 215 с.
22. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией СПб.: Лань, 2000. 304 с.
23. Манаков А.Г. Историко-культурное районирование Северо-Запада России // Социальные и экологические проблемы Балтийского региона. Материалы общ.-научной конф. Псков: ПГПИ, 2001. Ч. 2. Статьи. С. 71–83.
24. Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр “Возрождение”, 2002. 300 с.
25. Потахин С.Б. Историко-географическое районирование Тувы // Историческая география ландшафтов: теоретические проблемы и региональные исследования: Тез. I Всесоюзной научно-практ. конф. Петрозаводск: КГПИ, 1991. С. 149.
26. Потахин С.Б. Этнические традиции природопользования // Изв. РГО. 2000. Т. 132. Вып. 4. С. 76–79.
27. Рюмин В.В. Пространственно-временной подход к истории освоения и преобразования ландшафтов Азии // Историческая география ландшафтов: теоретические проблемы и региональные исследования: Тез. I Всесоюзной научно-практ. конф. Петрозаводск: КГПИ, 1991. С. 146–148.
28. Рюмин В.В. Пространственно-временной анализ истории ландшафтопользования в Южной Сибири // Историко-географические исследования Южной Сибири. Иркутск: Институт географии СО АН СССР, 1991. С. 4–28.
29. Середовских Б.А., Булатов В.И. Подходы к историко-географическому районированию севера Западной Сибири // Вестн. Тюменского государственного университета. Экология и природопользование. 2013. № 4. С. 30–40.
30. Судакова Н.Г., Антонова С.И., Введенская А.И., Костомаха В.А., Немцова Г.М. Палеогеографическое районирование Восточно-Европейской равнины как основа геоэкологической оценки устойчивости геосистем // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2016. № 4. С. 13–21.
31. Титов В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX–начало XX вв. Минск: Наука и техника, 1983. 152 с.
32. Юрковская Т.К., Елина Г.А. Восстановленная растительность Карелии на геоботанической и палеокартах. Петрозаводск: Ин-т биологии Карельского НЦ РАН, 2009. 135 с.

Experience of Historical-Geographic Zoning of Karelia (XIX–early XX Centuries)

S. B. Potakhin*

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

**e-mail: spotakhin@yandex.ru*

Historical-geographic zoning is of important tool for analyzing the development of a territorial organization of the population and economy in a certain historical period. Carrying out historical-natural-economic zoning allows to reveal spatial features of a course of development process. The latter is considered as historical process of interaction of the changing natural environment (landscape) and developing human society (population) expressed in change of types of nature management and characteristic for each specific region. On the basis of peculiarities of traditional nature use in Karelia in the XIX–early XX centuries three historical-natural-economic provinces divided into nine regions were identified. Each historical-natural-economic region of Karelia is characterized by distinctive natural features and ethnic composition of the population, specific features of traditional land use and settlement system. In the XX century, there was a gradual transition to a unified land use with the dominance of forestry activities with the presence (especially in the Southern province) of agriculture. The conservation of traditional land use features is typical of Belomorian and

Belomorian-Karelian regions of the Northern province, Zaonezhye and Pudozh regions of the Southern province.

Keywords: historical-geographic zoning, land use, ethno-local groups, landscape, Karelia

REFERENCES

1. *Alaev E.B.* Social'no-ekonomicheskaya geografiya: Ponyatijno-terminologicheskij slovar'. M.: My'sl', 1983. 350 s.
2. *Andreev A.A.* Kul'turno-landshaftnoe rajonirovanie territorii Pskovskoj oblasti // Pskovskij regionologicheskij zhurn. 2011. № 11. S. 113–131.
3. *Andrianov B.V., Cheboksarov N.N.* Opyt istoriko-etnograficheskogo rajonirovaniya nekotoryh regionov Afriki i zarubezhnoj Azii // Sovetskaya etnografiya. 1975. № 4. S. 33–50.
4. *Antonova R.F., Potaxin S.B.* Landshaftnoe rajonirovanie Karelii // Geosistemy Severa. Petrozavodsk: KGPU, 1998. S. 9–17.
5. *Antonova R.F.* Prostranstvennaya struktura landshaftov Karelii // Tr. Karel'skogo NCz RAN. Biogeografiya Karelii. Ser. B. Biologiya. Vyp. 2. Petrozavodsk, 2001. S. 19–26.
6. *Bogdanova M.S.* Istoriya osvoeniya i sovremennoe sostoyanie landshaftov Zaonezhya: opyt landshaftno-dinamicheskogo izucheniya // Izv. RGO. 2011. V. 143. Vyp. 2. S. 23–31.
7. *Vampilova L.B.* Istoriko-geograficheskoe rajonirovanie Karelii // Problemy etnicheskoy geografii i kul'turnogo rajonirovaniya: sb. nauchnyx statej. Pskov: Izd-vo ANO "Centr social'nogo proektirovaniya "Vozrozhdenie". 2004. S. 190–200.
8. *Vampilova L.B.* Problemy istoriko-geograficheskogo rajonirovaniya // Vestn. Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 4. S. 167–181.
9. *Vampilova L.B., Manakov A.G.* Rajonirovanie Rossii: istoriko-geograficheskij podhod // Pskovskij regionologicheskij zhurn. 2012. № 13. S. 26–36.
10. *Vampilova L.B., Manakov A.G.* Prirodnye i kul'turnye priznaki istoriko-geograficheskogo rajonirovaniya Rossii // Izv. RAN. Ser. geograficheskaya. 2012. № 6. S. 7–16.
11. *Egorov V.L.* Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv. M.: Nauka, 1985. 245 s.
12. *Elina G.A., Lukashov A.D., Tokarev P.N.* Kartografirovanie rastitel'nosti i landshaftov na vremennyh srezah golocena taezhnoj zony Vostochnoj Fennoskandii. SPb.: Nauka, 2005. 112 s.
13. *Zhekulin V.S.* Istoricheskaya geografiya: predmet i metody. L.: Nauka, 1982. 224 s.
14. *Isachenko A.G.* Principy istoriko-geograficheskogo rajonirovaniya (na primere Severo-Zapada Evropejskoj Rossii) // Izv. RGO. 2013. V. 145. Vyp. 1. S. 3–20.
15. *Isachenko A.G.* Nachal'nye etapy formirovaniya istoriko-geograficheskikh regionov na territorii Rossii (IX–XV vv.) // Izv. RGO. 2015. V. 147. Vyp. 5. S. 1–17.
16. *Isachenko T.E.* Istoriko-geograficheskoe rajonirovanie pribrezhnoj chasti Ladozhskogo ozera dlya rubezha XVIII–XIX vv. (po materialam ekspedicii N.Ya. Ozereczkovskogo) // Izv. RGO. 2017. V. 149. Vyp. 1. S. 61–79.
17. *Isachenko T.E.* Istoriko-geograficheskoe rajonirovanie poberezh'ya Onezhskogo ozera dlya rubezha XVII–XIX vv. i ego sovremennaya interpretaciya // Izv. RGO. 2018. V. 150. Vyp. 2. S. 48–71.
18. *Kanishhev V.V., Zhirov N.A.* Modelirovanie istoriko-geograficheskogo rajonirovaniya (na materialah yuga Central'noj Rossii XIX v.) // Istoriya: fakty i simvoly. 2015. № 1. S. 63–81.
19. *Kochkurkina S.I.* Narody Karelii: istoriya i kul'tura Petrozavodsk, 2005. 208 s.
20. *Loginov K.K.* Amorfnye i obosoblennye gruppy russkix v Oloneczkoj gubernii // Evropejskij Sever: istoriya i sovremennost'. Petrozavodsk: Karel'skij NCz RAN, 1990. S. 140.
21. *Loginov K.K.* Vepsy, karely i russkie Karelii i sopredel'nyh oblastej: issledovaniya i materialy k kompleksnomu opisaniyu etnosov. Petrozavodsk: Karel'skij NCz RAN, 2016. 215 s.
22. *Lyubavskij M.K.* Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizaciej SPb.: Lan', 2000. 304 s.
23. *Manakov A.G.* Istoriko-kul'turnoe rajonirovanie Severo-Zapada Rossii // Social'nye i ekologicheskie problemy Baltijskogo regiona. Materialy obshh.-nauchnoj konf. Pskov: PGPI, 2001. Ch. 2. Stat'i. S. 71–83.
24. *Manakov A.G.* Geokul'turnoe prostranstvo severo-zapada Russkoj ravniny: dinamika, struktura, ierarhiya. Pskov: Centr "Vozrozhdenie", 2002. 300 s.
25. *Potaxin S.B.* Istoriko-geograficheskoe rajonirovanie Tuvy // Istoricheskaya geografiya landshaftov: teoreticheskie problemy i regional'nye issledovaniya: Tez. I Vsesoyuznoj nauchno-prakt. konf. Petrozavodsk: KGPI, 1991. S. 149.
26. *Potaxin S.B.* Etnicheskie tradicii prirodopol'zovaniya // Izv. RGO. 2000. V. 132. Vyp. 4. S. 76–79.

-
27. *Ryumin V.V.* Prostranstvenno-vremennoj podhod k istorii osvoeniya i preobrazovaniya landshaftov Azii // *Istoricheskaya geografiya landshaftov: teoreticheskie problemy i regional'nye issledovaniya: Tez. I Vsesoyuznoj nauchno-prakt. konf.* Petrozavodsk: KGPI, 1991. S. 146–148.
 28. *Ryumin V.V.* Prostranstvenno-vremennoj analiz istorii landshaftopol'zovaniya v Yuzhnoj Sibiri // *Istoriko-geograficheskie issledovaniya Yuzhnoj Sibiri.* Irkutsk: Institut geografii SO AN SSSR, 1991. S. 4–28.
 29. *Seredovskiy B.A., Bulatov V.I.* Podhody k istoriko-geograficheskomu rajonirovaniyu severa Zapadnoj Sibiri // *Vestn. Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. E'kologiya i prirodopol'zovanie.* 2013. № 4. S. 30–40.
 30. *Sudakova N.G., Antonova S.I., Vvedenskaya A.I., Kostomaxa V.A., Nemczova G.M.* Paleogeograficheskoe rajonirovanie Vostochno-Evropejskoj ravniny kak osnova geoeologicheskoy ocenki ustojchivosti geosistem // *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 5. Geogr.* 2016. № 4. S. 13–21.
 31. *Titov V.S.* Istoriko-etnograficheskoe rajonirovanie material'noj kul'tury belorusov: XIX–nachalo XX vv. Minsk: Nauka i tehnika, 1983. 152 s.
 32. *Yurkovskaya T.K., Elina G.A.* Vosstanovlennaya rastitel'nost' Karelii na geobotanicheskoy i paleokartah. Petrozavodsk: In-t biologii Karel'skogo NCz RAN, 2009. 135 s.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО АТЛАСА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2020 г. А. Г. Манаков^{a, *}, Н. К. Теренина^{a, **}, И. Н. Красильникова^{a, ***}

^aПсковский государственный университет, Псков, Россия

*E-mail: region-psk@yandex.ru

**E-mail: brazelon@yandex.ru

***E-mail: mulia777@mail.ru

Поступила в редакцию 22.07.2020 г.

После доработки 22.08.2020 г.

Принята к публикации 25.08.2020 г.

Этнокультурно-ландшафтное разнообразие территории Псковской области представляет научный интерес с позиции целого ряда направлений культурной географии. Причина этого в специфике культурно-географического положения региона. Располагаясь на границе цивилизационного масштаба, Псковская область к тому же характеризуется наличием внутренних ярко выраженных культурных рубежей, создающих сложную этнокультурную мозаику, отраженную в том числе и в современных культурных ландшафтах региона. На раскрытие этнокультурного разнообразия территории региона и специфики культурных ландшафтов нацелен проект “Этнокультурно-ландшафтный атлас Псковской области”, получивший поддержку РГО. В статье обосновывается выбор концепций культурной географии, выступающих в качестве научной основы разработки тематического атласа. Таковыми являются концепции культурного ландшафта и геокультурного пространства, определяющие структуру и содержание атласа. В отдельных разделах атласа отражены рассмотренные в динамике слои геокультурного пространства региона: политико-административный, этнический, конфессиональный, лингвистический и др. Значительная часть карт атласа посвящена культурным ландшафтам региона, рассмотренным с позиции информационно-аксиологического подхода.

Ключевые слова: культурная география, культурные ландшафты, информационно-аксиологический подход, геокультурное пространство

DOI: 10.31857/S0869607120030040

ВВЕДЕНИЕ

Псковская область, будучи староосвоенным регионом России, характеризуется значительным культурно-географическим разнообразием. На ее территории сформировались культурные ландшафты, не только привлекательные в эстетическом плане, но и вызывающие интерес с научной точки зрения. В культурно-географическом плане Псковская область обладает уникальной особенностью — на ее территории проходит два культурных рубежа общероссийского масштаба, делящих область на три достаточно крупных этнокультурно-ландшафтных региона. Кроме того, свой вклад в своеобразие культурных ландшафтов области вносит еще и ее пограничное положение, причем фактически все западные границы региона представляют собой рубежи цивилизационного масштаба.

Раскрытие этнокультурного разнообразия территории Псковской области и специфики ее культурных ландшафтов стало целью проекта по разработке “Этнокультурно-ландшафтного атласа Псковской области”, получившего грантовую поддержку Русского географического общества. Главная задача проекта — популяризация знаний по этнокультурной географии региона, и в первую очередь атлас ориентирован на молодых жителей Псковской области. Вместе с тем структура и содержание атласа в значительной степени определяются научными концепциями, принятыми в качестве его теоретической основы.

Целью исследования является обоснование выбора концепций культурной географии, выступающих в качестве научной основы разработки “Этнокультурно-ландшафтного атласа Псковской области”.

В число **задач исследования** входит критический обзор ключевых концепций культурной географии с точки зрения их соответствия основной идее создания атласа; выбор тех концепций, которые в большей степени могут отвечать за структуру и содержание данного тематического атласа; рассмотрение содержания атласа с точки зрения различных исследовательских подходов в рамках данных концепций; раскрытие научных взаимосвязей между разделами атласа.

ИСХОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

В соответствии с названием атласа и основной целью его создания в качестве ключевой научной концепции, на которую опирается его разработка, выступает концепция культурных ландшафтов. Эта концепция имеет более чем вековые истоки как в России, так и за рубежом. Само понятие “культурный ландшафт” появилось в начале XX в., и его создателем принято считать немецкого географа О. Шлютера (1872–1959) [35]. В этот период развитие концепции культурного ландшафта происходило под воздействием двух научных традиций германской школы: собственно ландшафтоведческой и хронологической. Также большое влияние на развитие этой концепции оказала немецкая классическая антропогеография [25].

Примерно в то же время во Франции также зарождалась традиция культурно-ландшафтных исследований в рамках национальной школы “географии человека”, основоположником которой был П. Видаль де ла Блаш (1845–1918) [36], хотя сам термин “культурный ландшафт” пришел во Францию значительно позже. Но наиболее крупная научная школа по изучению культурного ландшафта сложилась в США в 1920-е гг. Эту школу, названную Берклийской (по университету Беркли, Калифорния), возглавлял американский географ К. Зауэр (1889–1975) [34]. Разработки этой школы на несколько десятилетий вперед заложили традиции изучения культурных ландшафтов в мировой науке [24].

Понятие “культурный ландшафт” было введено в научный оборот отечественной географии в начале XX в. Л.С. Бергом (1876–1950). Так, он отмечал, что если в создании природных ландшафтов человек не принимал никакого участия, то в культурных ландшафтах человек и его произведения играют важную роль [1]. Но пик популярности концепции культурного ландшафта в отечественной науке пришелся только на последнее десятилетие XX в.—начало XXI в., что стало следствием гуманизации географии. Эта концепция стала “ядром”, вокруг которого началось формирование нового научного направления отечественной науки — культурной географии. При этом в качестве общероссийского центра исследований по культурно-ландшафтной тематике стал выступать созданный в 1992 г. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева [31].

В современной российской географии существует несколько подходов к изучению культурных ландшафтов. Так, В.Н. Калущков обозначает три основные линии в понимании культурного ландшафта: рационально-управленческую, гуманитарную (исто-

рико-культурную) и экологическую [14]. М.Е. Кулешова и В.Н. Стрелецкий выделяют четыре подхода к изучению культурных ландшафтов: 1) классический физико-географический; 2) информационно-аксиологический (ноосферный); 3) этнокультурный (лингвоэтнокультурный) и 4) образный (перцептивный, герменевтический) [17].

Но наибольшее количество подходов к изучению культурных ландшафтов в отечественной географии выделяет Д.А. Дирин. Всего он обозначил семь подходов: 1) классический (геоэкологический); 2) феноменологический (экзистенциалистский, герменевтический); 3) информационно-аксиологический; 4) имажинально-семантический (семиотический, ландшафтно-символический); 5) перцепционный (пейзажно-эстетический); 6) историко-географический; 7) этнокультурный. При этом еще несколько подходов автор отметил как находящиеся в стадии формирования [11].

Идея создания “Этнокультурно-ландшафтного атласа Псковской области” в большей степени отвечает гуманитарной (историко-культурной) линии, или, точнее, информационно-аксиологическому подходу в изучении культурного ландшафта. В России данный подход наиболее активно развивался в последнем десятилетии XX в. и начале XXI в. благодаря усилиям сотрудников НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, Р.Ф. Туровский и др.). Именно в рамках информационно-аксиологического подхода происходит изучение культурных ландшафтов как объектов природного и культурного наследия [3]. Тем не менее другие подходы также в той или иной степени влияют на концепцию разработки атласа. Однако их использование при создании атласа ограничено возможностями картографирования результатов культурно-ландшафтных исследований в рамках каждого подхода.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Использованная при разработке тематического атласа научная концепция в значительной степени влияет на содержание и структуризацию атласа. В первую очередь это касается концепции культурного ландшафта, разработанной в отечественной культурной географии. Культурно-ландшафтные карты редки в атласах, посвященных этнокультурной тематике. В этой связи нужно особо отметить “Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области”, изданный в 2017 г. [30], где достойное место отведено описанию культурно-ландшафтных районов региона. Однако, в отличие от культурно-ландшафтного районирования Ленинградской области, разработанного Г.А. Исаченко и Т.Е. Исаченко [30, с. 23], задачей которого является выявление индивидуальных районов с целью их последующего описания, культурно-ландшафтное районирование Псковской области является типологическим, что больше отвечает установкам информационно-аксиологического подхода. На картах, составленных на уровне административных (муниципальных) районов области, культурно-ландшафтные районы составляют фон, на котором представлены объекты культурного и природного наследия (рис. 1).

Культурно-ландшафтное районирование территории Псковской области было осуществлено для Кадастра “Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области”, изданного в 1997 г. [13], и опирается на методику, разработанную И.П. Чалой и Ю.А. Ведениным с последующей апробацией на территории Тверской области [29]. В соответствии с данной методикой культурные ландшафты распределены по трем основным типологическим группам: 1) историко-культурные районы (наиболее ценные культурные ландшафты); 2) природные и сельскохозяйственные районы с отдельными историко-культурными памятниками и территориями; 3) природные районы [29, с. 27]. Всего же на территории Псковской области выделено восемь типов культурно-ландшафтных районов (рис. 2, табл. 1).

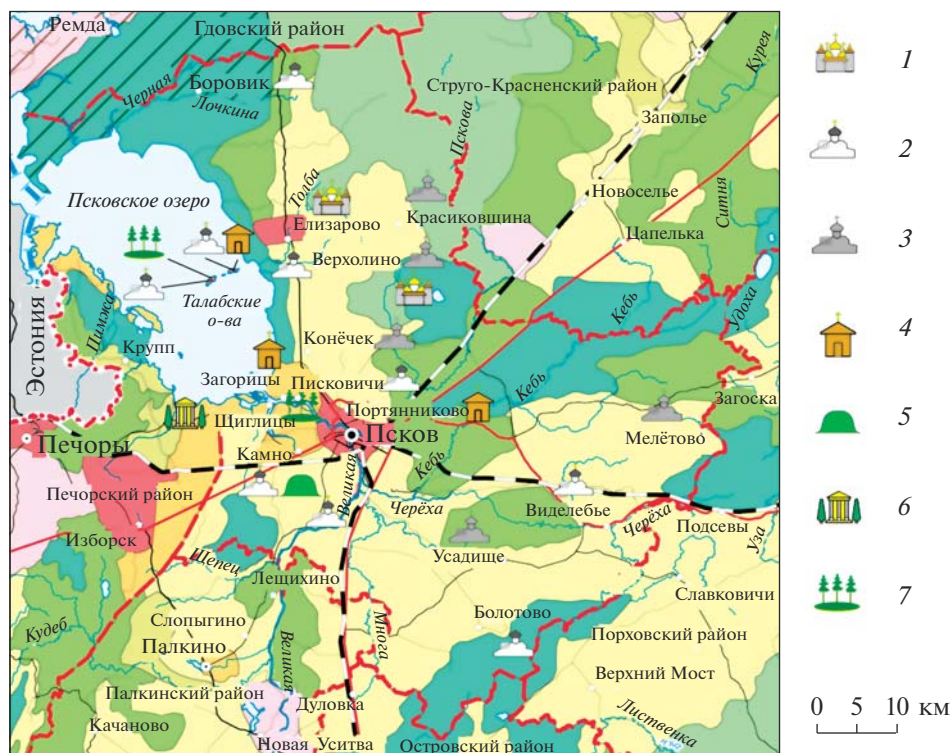

Рис. 1. Историко-культурное и природное наследие Псковского района Псковской области (по [13], составил И.А. Иванов). Объекты историко-культурного и природного наследия: 1 – монастыри; 2 – действующие церкви; 3 – недействующие церкви; 4 – действующие часовни; 5 – городища; 6 – усадебные комплексы; 7 – памятники природы (типы культурно-ландшафтных районов см. на рис. 2).

Fig. 1. Historical, cultural and natural heritage of the Pskov district of the Pskov region (according to [13], compiled by I.A. Ivanov). Objects of historical, cultural and natural heritage: 1 – monasteries; 2 – active churches; 3 – inactive churches; 4 – active chapels; 5 – fortified settlements; 6 – manor complexes; 7 – natural monuments (for the types of cultural and landscape areas, see fig. 2).

Также на культурно-ландшафтную концепцию опирается разработка карт в разделе атласа, посвященном этнокультурному микрорегиону Сетомаа, который охватывает большую часть Печорского района (на северо-западе Псковской области) и одноименную волость эстонского уезда Вырумаа. Территория Сетомаа соответствует историческому ареалу расселения малочисленного финно-угорского народа сето (Сетомаа – “земля сето”). В отличие от родственных им по языку эстонцев сето приняли православную религию, хотя при этом сохранили в своей культуре целый ряд элементов язычества [32]. В серии карт показана специфика культурных ландшафтов Сетомаа, а также отражены различия, обусловленные геолого-геоморфологическими особенностями ландшафтов и историческими особенностями природопользования и расселения. Соответственно, в данном разделе атласа реализуются сразу несколько подходов к пониманию культурных ландшафтов. Кроме информационно-аксиологического, это классический (геоэкологический), историко-географический и этнокультурный подходы [16, 26, 27].

Тем не менее задачи разработки атласа оказались шире, чем может дать методологический аппарат концепции культурных ландшафтов, и потому возникла необходи-

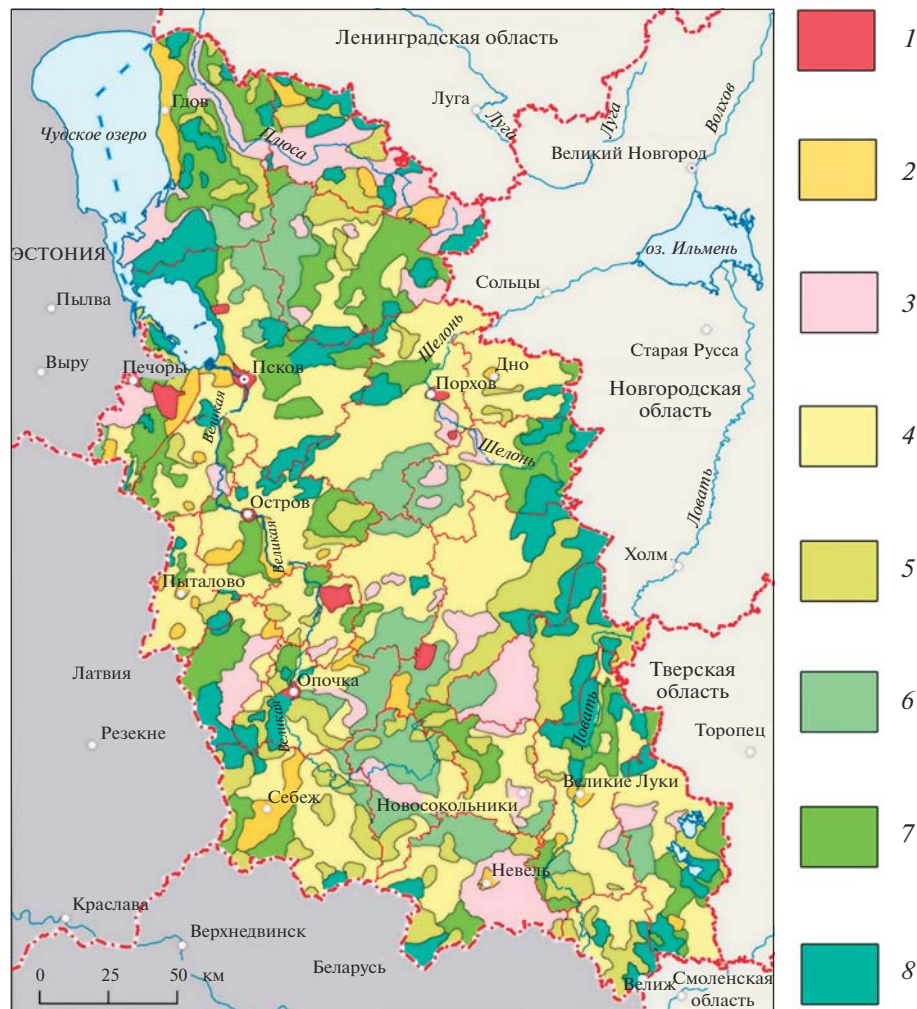

Рис. 2. Культурно-ландшафтное районирование Псковской области (по [13], составил И.А. Иванов). Типы культурно-ландшафтных районов: 1 – наиболее ценные в культурно-историческом отношении; 2 – особо насыщенные историко-культурными памятниками; 3 – природные и сельскохозяйственные районы с историко-культурными и природными памятниками; 4 – сельскохозяйственные и природные районы с отдельными историко-культурными памятниками; 5 – природные и сельскохозяйственные районы с археологическими памятниками; 6 – холмисто-моренные ландшафты (лесные); 7 – лесные массивы с живописными ландшафтами и отдельными историко-культурными памятниками; 8 – болота.

Fig. 2. Cultural and landscape zoning of the Pskov region (according to [13], compiled by I.A. Ivanov). Types of cultural and landscape areas: 1 – the most valuable in cultural and historical way; 2 – especially saturated with historical and cultural monuments; 3 – natural and agricultural areas with historical, cultural and natural monuments; 4 – agricultural and natural areas with separate historical and cultural monuments; 5 – natural and agricultural areas with archaeological sites; 6 – moraine landscapes (with forest); 7 – woodlands with picturesque landscapes and individual historical and cultural monuments; 8 – swamps.

мость поиска других научных подходов. Как было отмечено выше, в число задач создания “Этнокультурно-ландшафтного атласа Псковской области”, кроме показа специфики культурных ландшафтов региона, входит также и раскрытие этнокультур-

Таблица 1. Типология культурно-ландшафтных районов Псковской области
Table 1. The typology of cultural and landscape areas of the Pskov region

Типы культурно-ландшафтных районов	Подтипы и характеристика культурно-ландшафтных районов	Примеры культурно-ландшафтных районов в Псковской области
1. Наиболее ценные в культурно-историческом отношении	1.1. Исторические города и зоны их влияния 1.2. Районы максимального сосредоточения историко-культурных памятников с живописными и особо ценными культурными ландшафтами 1.3. Районы сосредоточения памятников культовой архитектуры: храмовых комплексов, монастырей 1.4. Районы старинных усадеб с многочисленными памятниками и живописными ландшафтами 1.5. Наиболее привлекательные культурные ландшафты	Города Псков, Печоры, Порхов, Остров и Опочка с окрестностями Государственный музей-заповедник “Изборск” (Печорский район), Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина (Пушкиногорский район) Спасо-Елеазаровский монастырь с окрестностями (Псковский район) Усадьба графа С.А. Строганова в с. Вольшово (Порховский район) Кудеверский живописный ландшафт (побережье оз. Алё в Бежаницком районе)
2. Особо насыщенные историко-культурными памятниками	Районы давнего сельскохозяйственного освоения с густой сетью сельских поселений, насыщенные архитектурными и др. памятниками	Восточное побережье Чудского озера (Гдовский район), район концентрации памятников народного зодчества вокруг дер. Заянье (Плюсский район) и др.
3. Природные и сельскохозяйственные районы с историко-культурными и природными памятниками	Глубинные районы с живописными ландшафтами, мозаичной структурой полей и лесов, населенными пунктами вдоль рек, побережий озер, с памятниками природы и культуры	Долины рр. Плюсы (Плюсский и Гдовский районы) и Шелонь (Порховский и Дедовичский районы), юго-восточное побережье Чудского озера (Гдовский район) и др.
4. Сельскохозяйственные и природные районы с отдельными историко-культурными памятниками	Менее живописные, преимущественно сельскохозяйственные или заброшенные территории с единичными памятниками культуры	Значительные по площади территории в средней и частично южной частях Псковской области, подвергшиеся наибольшей депопуляции
5. Природные и сельскохозяйственные районы с археологическими памятниками	Территории с повышенной концентрацией археологических памятников, не попавшие в типы 1–3	Территории, прилегающие к городищам Велье (Пушкиногорский район), Владимирец (Островский район) и др.
6. Холмисто-моренные ландшафты (лесные)	Районы распространения малоизмененных природных ландшафтов (территории возвышенностей)	Лужская, Судомская, Бежаницкая и др. возвышенности
7. Лесные массивы с живописными ландшафтами и отдельными историко-культурными памятниками	Районы с живописными природными ландшафтами, прилегающие к возвышенностям или болотным массивам, с единичными историко-культурными памятниками	Лесные массивы преимущественно на севере, востоке области и в приграничных районах: в Гдовском и Струго-Красненском районах, на границе Печорского и Палкинского районов и др.
8. Болота	Болотные массивы, в т. ч. имеющие статус болотных заповедников или водно-болотных угодий	Водно-болотное угодье “Псковско-Чудская низменность” (Гдовский и Псковский районы), Полистовский болотный массив (Бежаницкий и Локнянский районы) и др.

ного разнообразия территории. Суть проблемы состоит в том, что далеко не все этнокультурно-географические особенности территории могут быть рассмотрены в качестве компонентов культурных ландшафтов. И это даже несмотря на то, что концепция культурных ландшафтов постоянно совершенствовалась: в частности, под влиянием новых идей в отечественной культурной географии видоизменялись взгляды на структуру культурного ландшафта.

Так, еще в конце 1980-х гг. Ю. А. Веденин предложил в структуре культурного ландшафта вместе с пейзажной (материальной, физической) выделять и нематериальную (духовную) составляющую [2]. Его идею подхватили и расширили коллеги из Института культурного и природного наследия. Например, Р.Ф. Туровский предложил культурный ландшафт рассматривать как “синтез частных (“отраслевых”) культурных пространств, генетически и территориально единый (неразрывный), относительно однородный комплекс этнических, лингвистических, конфессиональных и др. компонентов” [28, с. 43]. Всего же Р.Ф. Туровский обозначил 11 частных видов культурных пространств: этническое, конфессиональное, историко-политическое, лингвистическое, художественное, народного искусства, бытовой культуры, хозяйственной (экономической) культуры, политической культуры, научное и философское [28].

Фактически выделение Р.Ф. Туровским “культурных пространств” стало отражением начала активного использования в отечественной культурной географии с конца XX в. нового концепта — “геокультурного пространства”. Даже в рамках информационно-аксиологического подхода в понимании культурного ландшафта стала применяться “пространственная” терминология. Так, Ю.А. Веденин в 2008 г. обозначил культурный ландшафт “как сложный территориальный комплекс, являющийся структурным элементом культурного пространства” [5, с. 3]. Он же в 2019 г., опираясь на свои разработки в рамках концепции культурного ландшафта, вносит ряд предложений в целях формирования опорного каркаса культурного пространства России [4].

На рубеже первого и второго десятилетий XXI в. И.Н. Корнев обратил внимание, что в отечественных культурно-географических исследованиях понятия “геокультурное пространство” и “культурный ландшафт” стали использоваться параллельно, что стало вносить некоторую путаницу в понятийный аппарат науки [15]. Он же предложил использовать понятие “геокультурное пространство” как основной концепт собственно культурной географии, в частности, разрешающий противоречия между “географами-ландшафтоведами” и “географами-культурологами” в понимании культурного ландшафта [15, с. 219].

Наиболее полный обзор разных подходов к пониманию геокультурного пространства в зависимости от направленности культурно-географических исследований приводится в статье Д.А. Дирина [10]. Там же перечислены основные факторы дифференциации геокультурного пространства: природный, историко-политический, хозяйственный, этнический, религиозный и др. А сами различия в понимании геокультурного пространства можно объяснить ориентированием современных российских культур-географов на разные научные парадигмы, что, например, раскрыто в статье А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого [30].

Аналогичные процессы происходят и в зарубежной культурной географии, поэтому можно отметить три основные парадигмы, которые ныне являются основными “разграничителями” исследований российских культур-географов. Во-первых, это сциентистская парадигма, основанная на объективистской и рациональной, ценностно-нейтральной методологии изучения причинно-следственных и функциональных связей между свойствами географического пространства и культурными явлениями. Именно сциентистская парадигма в понимании геокультурного пространства в большей мере отвечает основной идее и задачам создания “Этнокультурно-ландшафтного атласа Псковской области”, хотя бы по причине доступности для картографирования тех явлений, которые изучаются в соответствии с этой парадигмой.

Кроме того, в современной российской географии в последние два десятилетия стала популярной феноменологическая парадигма, покрывающая “смысловое поле” культурно-географических взаимодействий, где сознание человека слито с познанием пространства. И, наконец, третья парадигма – перцепционная, сфокусированная на восприятии географической реальности в разных культурах и культурных контекстах [23]. Второй и третьей парадигмам следует целый спектр новых исследовательских направлений в отечественной культурной географии (имагинальная география, мифо-география, сакральная география, когнитивная география, ментальная география и др.), которые ныне все чаще обозначаются вместе как “гуманитарная география” [30]. Однако картографирование в рамках этих исследовательских направлений носит новационный характер, и оно едва ли может стать основным при создании комплексного культурно-географического атласа конкретного региона.

Одной из ключевых характеристик геокультурного пространства, если следовать сциентистской парадигме, является многослойность. При этом перечень слоев геокультурного пространства может быть достаточно обширным, поскольку каждая культурная особенность, которая имеет общественное значение, образует собственный слой. Эти слои можно выделять как в соответствии с принятым в культурологии “отраслевым” делением культуры (например, слои политической, экономической и профессиональной культуры), так и по “видам” культуры (это слои национальной (полиэтнической), собственно этнической, городской и сельской культуры), по “формам” культуры (слои высокой или элитарной, народной и фольклорной, популярной и массовой культуры), по “сферам” культуры и ее прочим разновидностям (слои экологической, хозяйственной, социальной, религиозной культуры и т.д.). Особый статус могут носить “комплексные” слои материальной, духовной, художественной культуры [20].

В “Этнокультурно-ландшафтном атласе Псковской области” в качестве основных слоев геокультурного пространства, отобранных для отображения в серии карт определенной тематики, выступают: политико-исторический, этнический, конфессиональный, лингвистический и топонимический. Эти слои геокультурного пространства наиболее исследованы в регионе. Так, политико-исторический слой геокультурного пространства Псковской области изучали В.С. Дементьев [8] и С.И. Евдокимов [12, 31]. В соответствующем разделе атласа предполагается создание серии карт по разным историческим периодам, где отображены политические и административные границы Псковского региона и прилегающих территорий, привязанные к современным границам области. Этнический и конфессиональный слои геокультурного пространства региона в исторической динамике рассмотрены в работах В.С. Дементьева [7, 9]. По данной теме предполагается создание нескольких карт с отображением, в соответствии с итогами переписей и дореволюционных учетов населения, этнической и конфессиональной структуры населения на уровне административно-территориальных единиц региона. Также имеются работы по изучению различных составляющих этнографического, лингвистического и топонимического слоев культурного пространства Псковской области [18, 19]. Каждому слою геокультурного пространства Псковской области будет посвящено несколько карт, в число которых входят и те, которые используются ниже в качестве примера.

Приведем следующий пример взаимодействия политико-исторического слоя с другими слоями геокультурного пространства. Северная и южная границы Псковской губернии, которые сохраняли свою устойчивость более столетия (рис. 3), превратились в дальнейшем в значимые культурные рубежи внутри Псковской области, имеющие в первую очередь этнографический и лингвистический характер. При этом северная граница (с Санкт-Петербургской губернией) обладала к тому же яркой природной характеристикой, соответствуя линии разграничения подзоны южной тайги и зоны подтайги (смешанных лесов). А южная граница (с Витебской губернией) еще до проведе-

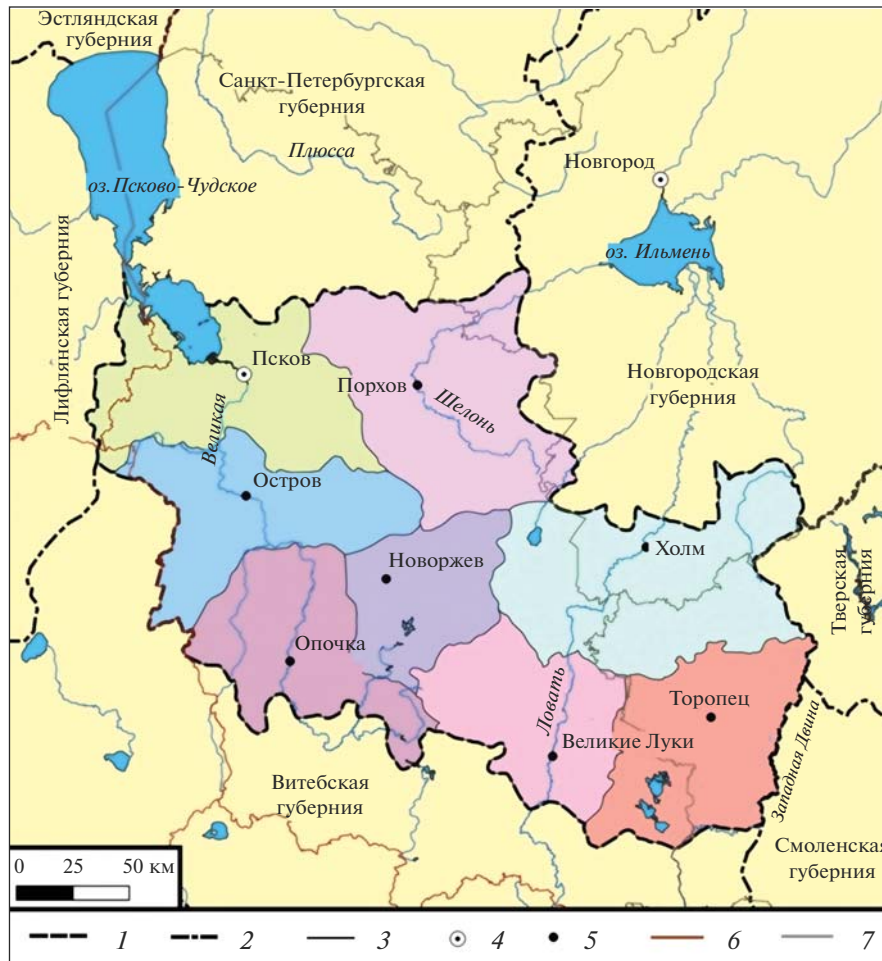

Рис. 3. Псковская губерния в 1828 г. (по [6], составил А.А. Андреев). Границы на 1828 г.: 1 – Псковской губернии; 2 – других губерний; 3 – уездов Псковской губернии. Центры в 1828 г.: 4 – губернские; 5 – уездные. Современные границы: 6 – государственные; 7 – субъектов Российской Федерации.

Fig. 3. Pskov province in 1828 (according to [6], compiled by A.A. Andreev). Borders for 1828: 1 – Pskov province; 2 – other provinces; 3 – districts of the Pskov province. Centers in 1828: 4 – provincial; 5 – county. Modern borders: 6 – state; 7 – constituent entities of the Russian Federation.

ния губернских границ на протяжении нескольких столетий была достаточно четким этническим рубежом (с белорусами) и лишь в 20-е гг. XX в. трансформировалась во внутриобластную диалектно-этнографическую границу.

Приведенный выше пример подтверждается картой диалектного членения русского языка, составленной К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой в 1964 г. [21], которая дает наиболее объективное представление о лингвистическом слое геокультурного пространства региона. Ареал псковской группы говоров в основном укладывается в границы Псковской губернии XIX–начала XX вв. Территория распространения гдовской группы говоров и частично новгородских говоров соответствуют Гдовскому и Лужскому уездам Санкт-Петербургской губернии. А на территории северных уездов бывшей Ви-

Рис. 4. Говоры русского языка в Псковской области и на прилегающих территориях России (по [21], составил А.А. Андреев). Границы: 1 – государств, 2 – говоров и групп говоров. Говоры северного наречия русского языка: 3 – ладого-тихвинская группа говоров. Западные среднерусские окающие говоры: 4 – гдовская группа говоров, 5 – новгородские говоры. Западные среднерусские акающие говоры: 6 – псковская группа говоров, 7 – селигеро-торжковские говоры. Говоры южного наречия русского языка: 8 – западная группа говоров, 9 – верхнеднепровская группа говоров.

Fig. 4. Russian dialects in the Pskov region and adjacent territories of Russia (according to [21], compiled by A.A. Andreev). Borders: 1 – state, 2 – dialects and groups of dialects. Northern dialects of the Russian language: 3 – Ladogo-Tikhvin group of dialects. Western Central Russian “okayushhie” dialects: 4 – Gdov group of dialects, 5 – Novgorod dialects. Western Central Russian “akayushhie” dialects: 6 – Pskov group of dialects, 7 – Seliger-Torzhok dialects. Southern dialects of the Russian language: 8 – Western group of dialects, 9 – Upper Dnieper group of dialects.

тебской губернии показано распространение говоров южного наречия русского языка (рис. 4). Хотя в последнем случае нужно упомянуть и о сильном влиянии на западную группу говоров южного наречия русского языка лингвистических особенностей белорусского языка, тем более что местные говоры были обозначены как северобелорусские на аналогичной карте, составленной Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым в 1914 г. [22].

Таким образом, карты атласа, представляющие специфику разных слоев геокультурного пространства, позволяют увидеть взаимосвязи между культурными слоями, а также их природной основой. Вместе с тем использование геопространственного подхода не противоречит концепции культурного ландшафта. Связано это с тем, что изучение отдельных слоев геокультурного пространства может происходить в рамках самостоятельных концепций [20]. В качестве примера можно привести достаточно хорошо известные концепции хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей, геоэтнокультурных систем, социо-культурных систем и др. В этом же ряду стоит и концепция культурного ландшафта. При этом различные сочетания компо-

нентов (слоев) геокультурного пространства, рассмотренные в исторической динамике, могут быть рассмотрены также и как факторы, ответственные за создание специфики культурных ландшафтов.

ВЫВОДЫ

Проект создания “Этнокультурно-ландшафтного атласа Псковской области” опирается на научные положения, разработанные в двух основных концепциях российской культурной географии — культурного ландшафта и геокультурного пространства. Культурные ландшафты региона рассмотрены с позиции разных исследовательских направлений. В первую очередь культурный ландшафт предстает как объект природного и культурного наследия, что соответствует информационно-аксиологическому исследовательскому подходу. Вместе с тем в отдельных картах атласа представлены результаты изучения культурного ландшафта с позиции классического (геоэкологического), историко-географического и этнокультурного подходов.

Тем не менее концепция культурных ландшафтов не позволяет в полной мере решить одну из важнейших задач проекта — показать все этнокультурное разнообразие территории Псковской области. Эту задачу выполняют исследования, выполненные в рамках концепции геокультурного пространства, разработанной в соответствии со сциентистской парадигмой в культурной географии. Одной из важнейших характеристик геокультурного пространства является его многослойность. При разработке атласа особое внимание обращено на политико-исторический, этнический, этнографический, конфессиональный, лингвистический и топонимический слои геокультурного пространства. Картографическое отображение этих слоев выступает в качестве информационной основы при обозначении факторов, ответственных за формирование культурных ландшафтов региона. Таким образом, между двумя названными концепциями нет противоречия, и они вместе отвечают за методологическую основу атласа, позволяющую раскрыть этнокультурно-ландшафтное разнообразие территории Псковской области.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГО в рамках проекта № 12/2020-И “Этнокультурно-ландшафтный атлас Псковской области”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берг Л.С.* Предмет и задачи географии // Изв. РГО. 1915. Т. 51. Вып. 9. С. 463–465.
2. *Веденин Ю.А.* Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1988. № 1. С. 49–56.
3. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. геогр. 2001. № 1. С. 7–14.
4. *Веденин Ю.А.* Представление о сущности и структуре опорного каркаса культурного пространства России // Наследие и современность. 2019. Т. 2. № 3. С. 7–23.
5. *Веденин Ю.А.* Пути развития культурного ландшафта как объекта наследия // Региональные исследования. 2008. № 4(19). С. 3–10.
6. Генеральная карта Псковской губернии. Географический атлас Российской Империи, царства Польского и Великого Княжества Финляндского. № 10. Автор В.П. Пядышев. 1828.
7. *Дементьев В.С.* Динамика численности и этнического состава населения Псковской губернии и соседних территорий в XVIII–первой половине XIX вв. // Псковский регионологический журн. 2017. № 3(31). С. 138–157.
8. *Дементьев В.С.* Изменение внешних границ и внутреннего деления средневековой Псковской земли и окружающих ее территорий // Псковский регионологический журн. 2016. № 2(26). С. 88–105.
9. *Дементьев В.С.* Территориальное устройство Русской православной церкви Псковского региона в XVIII–XXI вв. // Псковский регионологический журн. 2018. № 3(35). С. 74–88.
10. *Дирин Д.А.* Концепт “геокультурное пространство” в общественной географии // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 146–160.

11. Дирин Д.А. Основные подходы к исследованию культурных ландшафтов в российской культурной географии // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 4. С. 24–37.
12. Евдокимов С.И. Оценка устойчивости политических и административных границ Псковского региона (историко-географический подход). Дис. на соиск. уч. степени канд. геогр. наук. Калининград: Российский государственный университет им. Иммануила Канта, 2010. 166 с.
13. Кадастр “Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области”. Псков: Псковский государственный пединститут им. С.М. Кирова, 1997. 732 с. URL: <https://aria-art.ru/Tema/Pskovskaja%20oblast'.%20Kadastr.html>.
14. Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во МГУ, 2000. 94 с.
15. Корнев И.Н. О сущности и использовании понятий “культурный ландшафт” и “геокультурное пространство” в гуманитарно-географических исследованиях // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова. 2010. С. 218–222.
16. Красильникова И.Н., Теренина Н.К. Историко-географические особенности взаимодействия коренных финно-угорских этносов Севера и Северо-Запада России с традиционными природными ландшафтами их расселения // Экология, здоровье и образование в XXI в. Глобальная интеграция современных исследований и технологий. Материалы III Кавказского экологического форума. 2017. С. 16–20.
17. Кулишова М.Е., Стрелецкий В.Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. М., 2017. С. 313–329.
18. Манакон А.Г., Ветров С.В. Неславянская топонимия северо-западных районов Псковской области // Псковский регионологический журн. 2008. № 6. С. 153–163.
19. Манакон А.Г. На стыке цивилизаций: Этнокультурная география Запада России и стран Балтии. Псков: Изд-во ПГПИ, 2004. 296 с.
20. Манакон А.Г. Структура и динамика геокультурного пространства Северо-Запада России. Дис. на соиск. уч. степени докт. геогр. наук. С.-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2003. 255 с.
21. Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 306 с.
22. Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989. 224 с.
23. Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С. 18–28.
24. Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. 2019. № 1(36). С. 48–78.
25. Стрелецкий В.Н. Культурно-ландшафтные исследования за рубежом: национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии // Псковский регионологический журн. 2020. № 3(43). С. 99–109. <https://doi.org/10.37490/S221979310010477-7>
26. Теренина Н.К. Отображение элементов ландшафтов юго-восточной Эстонии и Печорского района Псковской области в фольклорном наследии сету // Вестн. Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2014. № 5. С. 108–116.
27. Теренина Н.К. Природно-исторические особенности, структура и современное состояние культурных ландшафтов Сетомаа // Псковский регионологический журн. 2020. № 2(42). С. 99–109. <https://doi.org/10.37490/S221979310008583-4>
28. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия. 1998. 210 с.
29. Чалая И.П., Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. 1997. 286 с.
30. Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О.М. Фишман, М.Л. Засецкая, Г.А. Исаченко, Л.В. Королькова, О.А. Красникова, А.И. Терюков и др. СПб.: Издательский дом “Инкери”, 2017. 656 с.
31. Druzhinin A.G., Streletskiy V.N. “Cultural branch” of human geography in contemporary Russia: genesis, main peculiarities, and priorities of development // Regional Research of Russia. 2015. T. 5. № 1. P. 73–82. <https://doi.org/10.1134/S2079970515010049>

32. *Evdokimov S.I.* Experience in evaluating the historical maturity of a regions borders (a case study of Pskov oblast) // *Regional Research of Russia*. 2011. V. 1. № 3. P. 285–291.
<https://doi.org/10.1134/S2079970511030038>
33. *Manakov A.G., Terenina N.K.* The Baltic Finnish peoples divided by state and administrative borders: territorial development of the Karelians, Vepsians and Setos // *Baltic Region*. 2015. № 1(23). P. 96–107.
<https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-1-8>
34. *Sauer K.* Morphology of Landscape // *Publications in Geography*. University of California, 1925. V. 2. № 2. P. 19–53.
35. *Schlüter O.* Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // *Geographische Anzeiger*. 1920. Bd. 21. S. 145–152, 213–218.
36. *Vidal de la Blache P.* Principes de géographie humaine. Paris: Armand Colin, 1922. 327 p.

Conceptual Basis for creation of “Ethnocultural and Landscape Atlas of Pskov Region”

A. G. Manakov^{1, *}, N. K. Terenina^{1, **}, and I. N. Krasilnikova^{1, ***}

¹*Pskov State University, Pskov, Russia*

^{*}*e-mail: region-psk@yandex.ru*

^{**}*e-mail: brazelon@yandex.ru*

^{***}*e-mail: mulia777@mail.ru*

Ethnocultural and landscape diversity of the Pskov region territory is of scientific interest from the cultural geography standpoint due to the specificity of the cultural and geographical location of the area. Located on the border, the Pskov region is characterized by the presence of internal cultural boundaries that create a complex ethnocultural mosaic, reflected in the modern cultural landscapes of the region. The project “Ethnocultural and landscape atlas of the Pskov region”, supported by the Russian Geographical Society, is aimed at revealing the ethnocultural diversity of the territory and the specificity of the cultural landscape. The article substantiates the choice of the cultural geography concepts, serving as the scientific basis for the development of this thematic atlas. These are the concepts of the cultural landscape and geocultural space that determine the structure and content of the atlas. Thus, in some sections of the atlas, the layers of the geocultural space of the region are reflected in dynamics: political-administrative, ethnic, confessional, linguistic, etc. A significant part of the atlas maps is devoted to the cultural landscapes of the region, considered from the position of the information-axiological approach.

Keywords: cultural geography, cultural landscape, information-axiological approach, geocultural space

REFERENCES

1. *Berg L.S.* Predmet i zadachi geografii // *Izv. RGO*. 1915. V. 51. Vyp. 9. S. 463–465.
2. *Vedenin Yu.A.* Iskusstvo kak odin iz faktorov formirovaniya kul'turnogo landshafta // *Izv. AN SSSR. Ser. geogr.* 1988. № 1. S. 49–56.
3. *Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E.* Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt kul'turnogo i prirodnogo naslediya // *Izv. RAN. Ser. geogr.* 2001. № 1. S. 7–14.
4. *Vedenin Yu.A.* Predstavlenie o sushchnosti i strukture opornogo karkasa kul'turnogo prostranstva Rossii // *Nasledie i sovremennost'*. 2019. V. 2. № 3. S. 7–23.
5. *Vedenin Yu.A.* Puti razvitiya kul'turnogo landshafta kak ob'ekta naslediya // *Regional'nye issledovaniya*. 2008. № 4(19). S. 3–10.
6. General'naya karta Pskovskoj gubernii. Geograficheskij atlas Rossijskoj Imperii, carstva Pol'skogo i Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo. № 10. Avtor V. P. Pyadyshev. 1828.
7. *Dement'ev V.S.* Dinamika chislennosti i etnicheskogo sostava naseleniya Pskovskoj gubernii i sosednih territorij v XVIII–pervoj polovine XIX vv. // *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*. 2017. № 3(31). S. 138–157.
8. *Dement'ev V.S.* Izmenenie vneshnih granic i vnutrennego deleniya srednevekovoj Pskovskoj zemli i okruzhayushchih ee territorij // *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*. 2016. № 2(26). S. 88–105.
9. *Dement'ev V.S.* Territorial'noe ustrojstvo Russkoj pravoslavnoj cerkvi Pskovskogo regiona v XVIII–XXI vv. // *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*. 2018. № 3(35). S. 74–88.

10. *Dirin D.A.* Koncept “geokul’turnoe prostranstvo” v obshchestvennoj geografii // Social’no-ekonomicheskaya geografiya. Vestn. Associacii rossijskih geografov-obshchestvedov. 2018. № 7. S. 146–160.
11. *Dirin D.A.* Osnovnye podhody k issledovaniyu kul’turnyh landshaftov v rossijskoj kul’turnoj geografii // Social’no-ekonomicheskaya geografiya. Vestn. Associacii rossijskih geografov-obshchestvedov. 2015. № 4. S. 24–37.
12. *Evdokimov S.I.* Ocenka ustojchivosti politicheskikh i administrativnyh granic Pskovskogo regiona (istoriko-geograficheskij podhod). Dis. na soisk. uch. stepeni kand. geogr. nauk. Kaliningrad: Rossijskij gosudarstvennyj universitet im. Immanuila Kanta, 2010. 166 s.
13. Kadastr “Dostoprimechatel’nye prirodnye i istoriko-kul’turnye ob’ekty Pskovskoj oblasti”. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj pedinstitut im. S.M. Kirova, 1997. 732 s. URL: <https://aria-art.ru/Tema/Pskovskaja%20oblast'.%20Kadastr.html>.
14. *Kaluckov V.N.* Osnovy etnokul’turnogo landshaftovedeniya. M.: Izd-vo MGU, 2000. 94 s.
15. *Kornev I.N.* O sushchnosti i ispol’zovanii ponyatij “kul’turnyj landschaft” i “geokul’turnoe prostranstvo” v gumanitarno-geograficheskikh issledovaniyah // Teoriya social’no-ekonomicheskoy geografii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Pod redakciej A.G. Druzhinina, V.E. Shuvalova. 2010. S. 218–222.
16. *Krasil’nikova I.N., Terenina N.K.* Istoriko-geograficheskie osobennosti vzaimodejstviya korennyh finno-ugorskih etnosov Severa i Severo-Zapada Rossii s tradicionnymi prirodnymi landschaftami ih rasseleniya // Ekologiya, zdorov’e i obrazovanie v XXI veke. Global’naya integraciya sovremennyh issledovanij i tekhnologij. Materialy III Kavkazskogo ekologicheskogo foruma. 2017. S. 16–20.
17. *Kuleshova M.E., Streleckij V.N.* Formirovanie i evolyuciya predstavlenij o kul’turnom landshafte // V fokuse naslediya. Sbornik statej, posvyashchennyj 80-letiyu Yu.A. Vedenina i 25-letiyu sozdaniya Rossijskogo nauchno-issledovatel’skogo instituta kul’turnogo i prirodnogo naslediya im. D.S. Lihachyova. M. 2017. S. 313–329.
18. *Manakov A.G., Vetrov S.V.* Neslavyanskaya toponimiya severo-zapadnyh rajonov Pskovskoj oblasti // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2008. № 6. S. 153–163.
19. *Manakov A.G.* Na styke civilizacij: Etnokul’turnaya geografiya Zapada Rossii i stran Baltii. Pskov: Izd-vo PGPI, 2004. 296 s.
20. *Manakov A.G.* Struktura i dinamika geokul’turnogo prostranstva Severo-Zapada Rossii. Dis. na soisk. uch. stepeni doktora geograficheskikh nauk. S.-Peterburg: Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena, 2003. 255 s.
21. Russkaya dialektologiya / Pod red. R.I. Avanesova, V.G. Orlovoj. M.: Nauka, 1964. 306 s.
22. Russkaya dialektologiya / Pod red. L.L. Kasatkina. M.: Prosveshchenie, 1989. 224 s.
23. *Streleckij V.N.* Geograficheskoe prostranstvo i kul’tura: mirovozzrencheskie ustanovki i issledovatel’skie paradigmy v kul’turnoj geografii // Izv. RAN. Ser. geogr. 2002. № 4. S. 18–28.
24. *Streleckij V.N.* Koncept kul’turnogo landshafta v mirovoj kul’turnoj geografii: nauchnye istoki i sovremennye interpretacii // CHelovek: obraz i sushchnost’. 2019. № 1(36). S. 48–78.
25. *Streleckij V.N.* Kul’turno-landshaftnye issledovaniya za rubezhom: nacional’nye tradicii i nauchnye shkoly v mirovoj kul’turnoj geografii // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2020. № 3(43). S. 99–109. DOI 10.37490/S221979310010477-7
26. *Terenina N.K.* Otobrazhenie elementov landshaftov yugo-vostochnoj Estonii i Pechorskogo rajona Pskovskoj oblasti v fol’klornom nasledii setu // Vestn. Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki. 2014. № 5. S. 108–116.
27. *Terenina N.K.* Prirodno-istoricheskie osobennosti, struktura i sovremennoe sostoyanie kul’turnyh landshaftov Setomaa // Pskovskij regionologicheskij zhurn. 2020. № 2(42). S. 99–109. DOI 10.37490/S221979310008583-4
28. *Turovskij R.F.* Kul’turnye landshafty Rossii. M.: Institut Naslediya. 1998. 210 s.
29. *Chalaya I.P., Vedenin Yu.A.* Kul’turno-landshaftnoe rajonirovanie Tverskoj oblasti. M.: Rossijskij nauchno-issledovatel’skij institut kul’turnogo i prirodnogo naslediya. 1997. 286 s.
30. Etnokonfessional’nyj illyustrirovannyj atlas Leningradskoj oblasti / O.M. Fishman, M.L. Zaseckaya, G.A. Isachenko, L.V. Korol’kova, O.A. Krasnikova, A.I. Teryukov i dr. Spb.: Izdatel’skij dom “Inkeri”, 2017. 656 s.
31. *Druzhinin A.G., Streletskiy V.N.* “Cultural branch” of human geography in contemporary Russia: genesis, main peculiarities, and priorities of development // Regional Research of Russia. 2015. V. 5. № 1. P. 73–82. DOI 10.1134/S2079970515010049
32. *Evdokimov S.I.* Experience in evaluating the historical maturity of a regions borders (a case study of Pskov oblast) // Regional Research of Russia. 2011. V. 1. № 3. P. 285–291. DOI 10.1134/S2079970511030038

33. *Manakov A.G., Terenina N.K.* The Baltic Finnish peoples divided by state and administrative borders: territorial development of the Karelians, Vepsians and Setos // *Baltic Region*. 2015. № 1(23). P. 96–107. DOI 10.5922/2079-8555-2015-1-8
34. *Sauer K.* Morphology of Landscape // *Publications in Geography*. University of California. 1925. V. 2. № 2. P. 19–53.
35. *Schlüter O.* Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // *Geographische Anzeiger*. 1920. Bd. 21. S. 145–152, 213–218.
36. *Vidal de la Blache P.* *Principes de géographie humaine*. Paris: Armand Colin, 1922. 327 p.

**IV МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАЛЕОЛИМНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
В ИРКУТСКЕ (2–4 СЕНТЯБРЯ 2020 г.)**

© 2020 г. Д. А. Субетто^{a,*}, А. П. Федотов^{b,**}, Т. В. Сапелко^{c,***}

^aРоссийский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

^bЛимнологический институт СО РАН, Иркутск, Россия

^cИнститут озераведения РАН, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: subetto@mail.ru

**E-mail: mix@lin.irk.ru

***E-mail: tsapelko@mail.ru

Поступила в редакцию 18.09.2020 г.

После доработки 25.09.2020 г.

Принята к публикации 25.09.2020 г.

Палеолимнологические конференции в СССР с 1960-х гг. проводились регулярно каждые 3 года вплоть до 1990-х гг. После некоторого перерыва в 2014 г. в Петрозаводске на базе Института водных проблем Севера Карельского научного центра РАН была организована и успешно проведена первая международная конференция “Палеолимнология Северной Евразии”. Следующие одноименные конференции были проведены в 2016 г. в Якутске (организована Северо-Восточным федеральным университетом) и в 2018 г. в Казани (организатор — Казанский (Волжский) федеральный университет). При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Русского географического общества в Иркутске 2–4 сентября 2020 г. Лимнологическим институтом Сибирского отделения РАН была организована IV Международная конференция “Палеолимнология Северной Евразии”. Примечательно, что в 2019 г. исполнилось 60 лет со дня основания первой палеолимнологической лаборатории в СССР, которая была создана Г.Г. Мартинсоном (1911–1997) при Лимнологическом институте Сибирского отделения Академии наук СССР [1].

Конференция 2020 г. впервые в истории подобных совещаний прошла в необычном формате Веб-конференции с онлайн-трансляцией докладов (<http://www.lin.irk.ru/paleo2020/ru>). Несмотря на непривычный формат, конференция проведена успешно. Было заслушано 35 устных докладов и представлено 18 стендовых. В пленарных заседаниях принимало участие до более 100 человек одновременно, в секционных — от 15 до 55 человек. Свыше 50% участников конференции — молодые ученые. Рабочими языками конференции были русский и английский. Материалы конференции (73 коротких сообщения) были опубликованы в специальном выпуске журнала *Limnology and Freshwater Biology* [2].

На открытии конференции прозвучали вступительные слова Вице-президента Русского географического общества, директора Института Наук о Земле СПбГУ К.В. Чистякова и основных организаторов конференции: председателя организационного комитета, директора Лимнологического института СО РАН А.П. Федотова и председателя программного комитета, декана факультета географии РГПУ им. А.И. Герцена Д.А. Субетто.

Пленарные доклады были посвящены как палеолимнологическим исследованиям больших озер, так и не менее значимым исследованиям истории развития малых озер. Изучению таких крупнейших озер, как Ладожское, Онежское и Байкал, были посвящены доклады Д.А. Субетто, В.Д. Страховенко, А.В. Лудиковой и Е.Е. Кононова. Од-

нако, как показали доклады Т.В. Сапелко и Д.Д. Кузнецова, палеолимнологические исследования малых озер не менее важны для реконструкций истории больших озер, в данном случае — позднелейстоценовой и голоценовой истории Ладожского озера. Интересный доклад по результатам комплексных палеолимнологических исследований горных озер Саян сделала Е.В. Безрукова. Озерам еще одного сибирского региона был посвящен доклад С.В. Жилич. О новых, иногда дискуссионных, результатах крупнейшего за последние годы международного палеолимнологического проекта “ПЛОТ” рассказал Г.Б. Федоров. Оригинальные результаты международных исследований озер Ван и Ерчек на территории Турции отражены в докладе И.А. Калугина. Представлена уникальная детальность геохимических исследований разрезов донных отложений с реконструкциями при шаге до 1 года. Еще одному международному проекту на территории России были посвящены доклады наших польских коллег М. Плоценника и А. Гинтера. Они рассказали о новом этапе исследований палеоозер в долине р. Сертейки (бассейн Западной Двины).

Помимо пленарных заседаний работало 3 тематические секции: “Палеогеографические реконструкции и ГИС-моделирование”, “Седиментация и геохимия донных отложений” и “Биоиндикаторы изменений природной среды и климата в водной среде”. Здесь особенно хочется отметить доклад Н.И. Ермолаевой, посвященный изучению современного состояния малых сибирских озер, расположенных в разных природных зонах. Тема доклада, на первый взгляд, не связана с палеолимнологической тематикой конференции, однако представленные научные результаты очень наглядно показывают, насколько важно для всех палеолимнологов с помощью разных методов, исследующих донные отложения озер, изучать субрецентные озерные пробы. Именно на них должны опираться все проводимые палеорекострукции.

Как показали доклады участников конференции, для адекватных палеолимнологических реконструкций необходимы комплексные (с помощью максимально возможного набора методов) исследования субрецентных проб и колонок донных отложений озер. Хотелось бы пожелать всем и особенно молодым коллегам больше читать и учитывать в своих исследованиях предыдущие работы, которые проводились ранее. Многие дискуссионные вопросы можно решить и с помощью сопоставления данных, полученных разными исследователями для разных регионов. Подводя итоги прошедшей конференции, можно отметить, что, несмотря на непростые условия проведения конференции в дистанционном формате, она состоялась! Хотелось бы поблагодарить организаторов — сотрудников Лимнологического института СО РАН, за отлично проведенную конференцию! Следующую V конференцию “Палеолимнология Северной Евразии” запланировано провести в Санкт-Петербурге в августе 2022 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапелко Т.В., Субетто Д.А. 60 лет российской палеолимнологии // Известия РГО. 2020. Т. 152. Вып. 1. С. 76–80.
<https://doi.org/10.31857/S086960712001005X>
2. The 4th International Conference Palaeolimnology of Northern Eurasia. Special Issue: Limnology and Freshwater Biology. 2020. № 4 (SI: Paleo2020). P. 439–607.
<https://doi.org/10.31951/2658-3518-2020-A-4>

4th International Paleolimnological Conference in Irkutsk (2–4 September 2020)

D. A. Subetto^{1, *}, A. P. Fedotov^{2, **}, T. V. Sapelko^{3, ***}

REFERENCES

1. Sapelko T.V., Subetto D.A. 60 Years of Paleolimnology in Russia // Izvestiya RGO. 2020. V. 152. Vyp. 1. S. 76–80. DOI 10.31857/S086960712001005X
2. The 4th International Conference Palaeolimnology of Northern Eurasia. Special Issue: Limnology and Freshwater Biology. 2020. № 4 (SI: Paleo2020). P. 439–607. DOI <https://doi.org/10.31951/2658-3518-2020-A-4>

ЮБИЛЕЙ И.Ю. НЕУСТРУЕВОЙ

9 октября 2020 г. старейшему члену Палеолимнологической комиссии Санкт-Петербургского отделения Русского географического общества Ирине Юрьевне Неуструевой исполняется 85 лет. Ирина Юрьевна – кандидат геолого-минералогических наук, высококвалифицированный палеолимнолог и палеонтолог, специалист по ископаемым лимническим остракодам палеозоя и мезозоя Сибири (Кузнецкого, Минусинского, Тунгусского, Канско-Ачинского бассейнов), Средней Азии и Монголии, а также современных озер Урала, Казахстана и Киргизии. Ею разработана методика тафономического и палеоэкологического анализов применительно к ископаемым пресноводным остракодам с целью выявления палеолимнологических особенностей древних озерных бассейнов и их эволюции; выполнен ряд обобщающих палеогеографических исследований на основании анализа изменений ассоциаций лимнических остракод, подтверждающих концепцию перемещения континентальных плит. Ирина Юрьевна внесла большой вклад в методические разработки, способствовавшие получению конкретных палеолимнологических характеристик древних озерных бассейнов и теоретических выводов о связи их развития с глобальными геологическими и климатическими событиями. Автор более 110 научных публикаций, И.Ю. Неуструева принимала активное участие в работе над многотомным изданием “История озер” (1986–1998 гг.), будучи автором и соавтором ряда разделов в пяти томах этого издания, членом редколлегии двух из них и рецензентом одного из них. Вся ее научная жизнь неразрывно связана с Русским географическим обществом. Вступив в РГО в 1977 г., Ирина Юрьевна стояла у истоков создания Палеолимнологической комиссии, много лет была секретарем комиссии. Ее вклад в издание серии “История озер” в 1991 и 1999 гг. был отмечен присуждением Дипломов РГО “За выдающиеся научные труды в об-

ласти географических наук”. В 1994 г. она была удостоена Диплома РГО за монографию “Лимнология и палеолимнология Монголии”. В 2006 г. за монографию “Позднемезозойские и палеогеновые остракоды Монголии” Ирина Юрьевна награждена Почетной премией имени Ханса Раусинга “За лучшую палеонтологическую работу года”.

Родившись в Ленинграде в 1935 г., Ирина Юрьевна провела в этом городе все годы блокады. В 1989 г. она получила знак “Житель блокадного Ленинграда”, а в 2002 г. — удостоверение “Ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.”

Желаем Ирине Юрьевне крепкого здоровья, благополучия и неиссякаемой энергии! Ваша помощь, советы и активное участие в жизни Русского географического общества бесценны для нас!

К.В. Чистяков, Д.А. Субетто, Т.В. Сапелко